
Б.А. Хейфец

СТАНЕТ ЛИ СОВРЕМЕННАЯ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ
ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ТЕНДЕНЦИЕЙ НОВОЙ
РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА?

Москва
Институт экономики РАН
2024

Рецензенты:
д.с.н., к.э.н. С.Г. Кирина-Чэндлер,
к.э.н. Н.В. Смородинская

Хейфец Б.А. Станет ли современная геополитическая фрагментация долговременной тенденцией новой регионализации глобального экономического пространства?: Научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2024. – 110 с.

ISBN 978-5-9940-0720-4

Рассматривается роль современной геополитической фрагментации в новой регионализации глобального экономического пространства. Проведена классификация типов регионализации и выделен новый этап в развитии региональной политики, который был назван геополитическим регионализмом. Даются общие оценки экономических последствий геополитической фрагментации и ее отдельных проявлений в формировании национальных экономических стратегий, а также в торговой, инвестиционной, валютно-финансовой и технологической сферах международных отношений. Определяются несколько возможных сценариев развития геополитической фрагментации в среднесрочной перспективе и делаются некоторые выводы для внешнеэкономической политики.

Ключевые слова: геополитическая фрагментация, регионализм, регионализация, геополитическое расстояние, противоборствующие блоки, дружественные страны.

Классификация JEL: B74, F02, F51, R10.

Kheyfets B.A. Will contemporary geopolitical fragmentation become a long-term trend of new regionalization of the global economic space?: Scientific report. – M.: IE RAS, 2024. – 110 p.

The role of modern geopolitical fragmentation in the new regionalization of the global economic space is considered. The types of regionalization are classified and a new stage in the development of regional policy, which was called geopolitical regionalism, is identified. General assessments of the economic consequences of geopolitical fragmentation and its individual manifestations in the formation of national economic strategies, as well as in the trade, investment, currency and financial and technological spheres of international relations are given. Several possible scenarios for the development of geopolitical fragmentation in the medium term are determined and some conclusions for foreign economic policy are made.

Keywords: geopolitical fragmentation, regionalism, regionalization, geopolitical distance, opposing blocs, friendly countries.

JEL Classification: B74, F02, F51, R1.

© Хейфец Б.А., 2024
© Институт экономики РАН, 2024
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Методологические подходы к изучению регионализации глобального экономического пространства	6
Глава II. Интеграционная регионализация	13
Глава III. Макрорегиональная регионализация	20
Глава IV. Геополитическая фрагментация	24
Глава V. Экономические последствия геополитической фрагментации	36
1. Общие оценки экспертов	36
2. Цена «Экономики Родины»	43
Глава VI. Важнейшие направления геополитической фрагментации ...	58
1. Торговая фрагментация	58
2. Инвестиционная фрагментация	65
3. Валютно-финансовая фрагментация	69
4. Технологическая фрагментация	75
Глава VII. Насколько продолжительной будет современная геополитическая фрагментация	87
Заключение	96
Литература	99
Об авторе	109

ВВЕДЕНИЕ

Тема новой геополитической фрагментации стала особенно актуальной в настоящее время в связи с кардинальными потрясениями глобальной экономики, которые связаны с резко обострившимися экономическими, финансовыми и технологическими войнами, вылившимися в крупнейшие санкционные противостояния, а также с прямыми военными конфликтами. В таких реалиях неизмеримо возросла роль геополитики и усилилось ее влияние на социально-экономическое развитие всех стран.

Геополитическая фрагментация привела к новому разделу глобального экономического пространства, стала трендом его новой регионализации. Геополитическая фрагментация – не новое явление в мировой экономике. Однако на современном этапе оно приобретает ряд качественно иных черт, отличающих ее от геополитической фрагментации второй половины XX в., сравнение с которой напрашивается в первую очередь. Это требует осмысления нового проявления данного явления, что нашло отражение в исследованиях экспертов МВФ, ВТО, Всемирного банка, McKinsey Global Institute, BCG, публикациях The Economist, NBER и других авторитетных изданиях. При этом количество таких научных работ постоянно нарастало на протяжении 2023–2024 гг.

У экономистов-международников обрели особый смысл некоторые старые или были введены в научный оборот новые термины, такие как «геополитическая дистанция» (geopolitical distance), «экономика родины» (homeland economic), «решоринг» (reshoring), «френдшоринг» (friendshoring), «ниашоринг» (nearshoring), «декаплинг» (decoupling), «дерискинг» (derisking).

Подобные нарративы требуют своего осмысления, серьезного анализа и систематизации. Кроме того, публикации по геополитической фрагментации во многом носят пионерный и тестовый характер, остается немало пробелов и неопределенностей в понимании данного процесса, в том числе относительно динамики и устойчивости новой регионализации глобального экономического пространства. К тому же в российских источниках научному анализу феномена геополитической фрагментации пока уделяется недостаточное внимание.

В этой связи перед докладом была поставлена цель определить значение современной фрагментации для регионализации мировой экономики, с учетом зарубежных исследований и собственного анализа дать оценку возможных масштабов влияния на отдельные сферы глобальной экономики и процесс ее глобализации в целом. При этом прежде всего предполагалось сосредоточить усилия на качественной оценке новой фрагментации, опираясь на собственные представления о глобализации и регионализации, а также на некоторые выводы других авторов, в том числе сделанных на основе объемных модельных исследований.

Важнейшими задачами для достижения данной цели являются: уточнение роли регионализации в развитии мировой экономики и выделение основных принципов ее типологизации; анализ особенностей геополитической фрагментации как специфического типа регионализации; характеристика отдельных направлений современной фрагментации; оценка перспектив развития фрагментации и ее влияния на регионализацию и глобализацию мировой экономики.

Хочу выразить искреннюю признательность Веронике Юрьевне Черновой, д.э.н., за эффективную помощь, оказанную при подготовке данного доклада.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

За последнюю четверть века в научном сообществе укрепилось суждение, что регионализация мировой экономики является процессом, происходящим параллельно с процессом ее глобализации. Однако такое мнение справедливо только в отношении одного, хотя и очень важного направления регионализации. Сама же «регионализация», в широком понимании данного термина, может отражать разные аспекты территориального распределения отдельных субъектов и видов деятельности.

Изучение регионализации стало важным инструментом для развития теории мировой экономики и для комплексного анализа структуры и других специфических особенностей ее развития, а также для выработки конкретных практических рекомендаций на межгосударственном и национальном уровнях. Как не без иронии замечает О'Нил, регионализация, а не глобализация, является экономической историей нашего времени. Она порождает разнообразие, способствует инновациям, повышает устойчивость и создает гораздо более сильную базу. Именно регионализация помогает объяснить, кто вырвался вперед, а кто остался позади¹.

Необходимость изучения влияния процессов регионализации на отдельные взаимосвязанные и взаимозависимые системы, межгосударственные объединения, ареалы, кластеры и другие локальные образования обусловлена тем, что подобный подход является важ-

1. O'Neil Sh. K. (2022). *The Globalization Myth: Why Regions Matter*. New Haven: Yale University Press.

нейшим инструментом для всеобъемлющего понимания структуры и характера мировой экономики и международных отношений. Такое направление исследований позволяет понять, как процессы на глобальном уровне преломляются в разрезе отдельных региональных объектов, сравнивать выбранные регионы и государства по конкретным параметрам их социально-экономического развития.

Данные соображения приобретают чрезвычайную актуальность в условиях тотальной турбулентности, когда многократно возросла конфликтность и неопределенность экономического развития как на глобальном, так и на региональном уровне. Это обостряет научные дискуссии по данным вопросам. В частности, существуют противоречивые оценки взаимного влияния процессов глобализации и регионализации.

Одни исследователи считают регионализацию трендом, способствующим глобализации на региональном уровне или ведущим в перспективе к новому уровню развития глобализации за счет расширения и укрупнения отдельных звеньев, а в некоторых случаях, слияния региональных интеграционных структур. Например, К. Милитару с соавторами, анализируя взаимосвязь между глобализацией и регионализацией, рассматривают регионализацию как важный вклад в развитие и масштабы процесса глобализации².

У. Хаут отмечает, что во многих случаях глобализация и регионализация не являются противоположностями, как их обычно понимают, а, напротив, являются дополняющими друг друга явлениями³.

Ю.С. Шишков писал, что региональная интеграция и глобализация весьма схожи, они являются звеньями одного и того же технологического процесса интернационализации хозяйственной жизни и тесно взаимодействуют⁴.

М. Тело утверждает, что регионализм и глобализация являются двумя компонентами одного и того же исторического процесса

-
2. *Militaru C., Athu C., Zanfir A.* (2012). Globalization Versus Regionalization. Knowledge Horizons – Economics. Vol. 4. Issue 1–2. Pp. 70–75.
 3. *Hout W.* (1996). Globalization, regionalization and regionalism: A survey of contemporary literature. Acta Politica. Vol. 31. Issue 2. Pp. 164–181. <https://hdl.handle.net/1887/3450395>
 4. *Шишков Ю.С.* (2008). Регионализация и глобализация мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. №8. С. 11. DOI:10.20542/0131-2227-2008-8-3-20.

усиления взаимозависимости и ослабления государственных барьеров на пути свободной торговли⁵.

Другие авторы считают регионализацию тенденцией, противоположной глобализации. Так, И. Кучерова рассматривает регионализм как логическую защитную реакцию на процесс экономической глобализации, ограничивающей автономию национальных субъектов⁶. Подобной точки зрения придерживаются Ван Чжаохуэй и Чжицян Сун, отмечающие, что локализация и регионализация заполняют вакуум экономической глобализации, отступающей в последнее десятилетие⁷. Много сторонников этой позиции добавила современная геополитическая фрагментация, которая, как это будет показано в дальнейшем, противостоит глобализации.

Для понимания сущности регионализации необходимо уточнить ее отличие от регионализма. Некоторые авторы считают регионализм и регионализацию синонимами, однако ряд исследователей различают эти понятия. Так, Б. Хеттне и Ф. Седербаум считают, что регионализм представляет собой теорию и практику, направленные на интеграцию и сотрудничество в определённом региональном пространстве. Регионализм обычно ассоциируется с программой и стратегией и может привести к формальному институциональному строительству⁸.

К. Ламбрехтс и К. Олден также отмечают, что регионализм — отражение политического проекта построения сообщества государств, а регионализация — региональное выражение глобальных процессов интеграции и изменения структур⁹.

Сходную позицию разделяет Хироюки Есино, определяющий регионализм как политическую волю к созданию формального

-
5. Telo M. (2001). Introduction: Globalization, New Regionalism and the Role of the European Union. European Union and New Regionalism. London. Pp. 1–18. DOI: 10.4324/9781315202419.
 6. Kučerová I. (2008). A Response to Gradual Globalization: Regionalism // Acta Oeconomica Pragensia. No 5. Pp. 66–73. DOI: 10.18267/j.aop.163.
 7. Wang Z., Sun Z. (2021). From Globalization to Regionalization: The United States, China, and the Post-Covid-19 World Economic Order // Journal of Chinese Political Science. 2021. Pp. 69–87. DOI: 10.1007/s11366-020-09706.
 8. Hettne B., Söderbaum F. (2000). Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. Vol. 5. No. 3. Pp. 457–472. DOI: 10.1080/713687778.
 9. Lambrechts K., Alden C. (2005). Regionalism and Regionalisation. Palgrave Advances in Development Studies. London: Palgrave Macmillan. Pp. 288–312. DOI: 10.1057/9780230502864_14.

соглашения между государствами на географически ограниченной основе, а его основными участниками являются правительства¹⁰.

Г.М. Костюнина, считая регионализм политикой, выделяет старый регионализм, в рамках которого получил распространение так называемый закрытый регионализм, отличающийся относительно высоким уровнем протекционизма. И новый регионализм, представляющий собой открытый, более либеральный регионализм, который стал результатом комплексного подхода к развитию глобализации и многополярного мира¹¹.

А.Н. Спартак обозначает 3 этапа развития регионализма. Первый из них охватывает период с середины XIX в. до 1940-х годов и связан в основном с формированием двусторонних таможенных союзов в Европе с сильной политической мотивацией. Второй этап совпадает с традиционным пониманием регионализации, начавшейся в 1950-х годах, а третий – мегарегионализм – отражает новые тенденции в его развитии, проявившиеся в 2010-х годах¹². Такой позиции придерживаются многие другие исследователи¹³.

Ф. Седербаум выделяет четыре этапа развития регионализма: ранний регионализм (с древних времен египетской, греческой (Александра Македонского), древней китайской империй до империй Гитлера, Муссолини и японской «Сферы совместного процветания Большой Восточной Азии»); старый регионализм (с конца 1940-х годов до начала 1970-х годов); новый регионализм (1970-е и 1980-е годы); сравнительный регионализм (с 1990-х годов)¹⁴.

Несколько отличается от приведенной выше классификация Л.З. Зевина, который говорил о следующих этапах трансформации регионализма: 1945–1970 гг. – классический регионализм; 1970–

-
10. *Hiroyuki Hoshiro* (2019). Does regionalization promote regionalism? Evidence from East Asia // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. Vol. 8. No. 5. Pp. 199–219. DOI: 10.1080/24761028.2019.1693944.
 11. *Костюнина Г.М.* (2020). Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. №2. С. 303–317. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317.
 12. *Спартак А.Н.* (2017). Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к межрегиональным проектам // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика*, право. №4. С. 13–37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37.
 13. *Väyrynen R.* (2003). Regionalism: Old and New // *International Studies Review*. Vol. 5. No. 1. Pp. 25–52. DOI: 10.1111/1521-9488.501002.
 14. *Söderbaum F.* (2015). Early, Old, New and Comparative Regionalism // *KFG Working Paper*. No. 64.

1990 гг. – ревизия классического регионализма; 1990–2000 гг. – новый регионализм; с 2000 г. – сравнительный регионализм¹⁵.

Доминирующее положение в 2000–2010-е гг. занял сравнительный регионализм, который нацелен на изучение и сопоставление развития отдельных регионов мира. Он сочетает подходы «старого» регионализма, или просто регионализма, рассматривавшего процесс регионализации как заданной сверху государственноцентричной модели, и «нового» регионализма, направленного на изучение процессов регионализации «снизу», которые во многих случаях дополняли или «перекрывали» друг друга¹⁶.

В связи с увеличением числа многосторонних соглашений нового типа и обострением соперничества ведущих геоэкономических акторов (США, Китая и ЕС) появилась концепция «конкурентного регионализма», которая учитывает возможность участия в нескольких альянсах и новые принципы их организации на макро-региональном уровне¹⁷.

Наконец, все более очевидно, что в настоящее время открывается новый этап в развитии теории регионализма, который следует назвать геополитическим регионализмом. Такой регионализм существовал и в прошлом, например во время Холодной войны I, но в настоящее время приобрел принципиально иной масштаб и влияние на развитие глобальной экономики. Современный геополитический регионализм можно определить как политику и стратегию, направленные на позиционирование в глобальном экономическом и политическом пространстве в соответствии с национальными интересами отдельных государств и интересами их политических союзников.

Существуют и некоторые нюансы в толковании термина «регионализация», который может нести смысл как разделения

-
15. Зевин А.З. (2015). О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века. М.: Институт экономики РАН. С. 11.
 16. Михайленко Е.Б. (2014). «Старый» и «новый» регионализм: теоретический диспут. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. С. 8, 9.
 17. См., например: Solis M., Stallings B., Katada S. (2009). *Competitive Regionalism: FTA Diffusion in the Pacific Rim*. New York: Palgrave Macmillan; Telò M. (2017). *Regionalism in Hard Times – Competitive and post-liberal trends in Europe, Asia, Africa, and the Americas*. Abingdon: Routledge; Xianbai Ji (2021). *Mega-regionalism and Great Power Geo-Economic Competition*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781003177067.

(сегментации, разграничения, фрагментации) мировой экономики, так и консолидации внутри нее отдельных региональных звеньев. Например, В.С. Паньков отмечает, что под регионализацией в Евросоюзе понимается сцепление экономик регионов различных государств как результат межстрановой региональной интеграции, например по осям Юго-Западная Германия – Западная Австрия – Северная Италия, или регионов различных стран Евросоюза, смыкающихся друг к другу вдоль побережья Северного моря¹⁸.

Подобную концепцию развивает Л.Б. Вардомский, который под регионализацией понимает создание и действие институтов межгосударственных экономических отношений преференциального и непреференциального характера, приводящих к интенсификации внешнеэкономических взаимодействий и росту взаимозависимости стран-участниц через структурную и технологическую трансформацию национальных экономик¹⁹.

Данную идею поддерживает и ряд других авторов. Так, Г.М. Костюнина подчеркивает, что регионализация – процесс объединения стран в более крупный регион с элементами свободного перемещения тех или иных факторов, то есть развитие интеграционных процессов²⁰.

А.Д. Воскресенский также считает, что регионализацию можно представить как объединение государств или обществ, связанных между собой функционально и/или географически²¹.

Безусловно, создание региональных союзов интеграционного типа и разделение мировой экономики на отдельные региональные сегменты – две стороны одного процесса. Более того, разделение в этой связке является следствием, т. е. вторичным процессом.

-
18. Паньков В.С. (2009). Глобализация и международная региональная интеграция: две стороны одной медали? // Известия УрГЭУ. №2. С. 98.
 19. Вардомский Л.Б. (2022). Страны Центральной Азии в процессах международной регионализации // Вестник Института экономики Российской академии наук. №4. С. 9. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_4_7_22.
 20. Костюнина Г.М. (2020). Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. №2. С. 303–317. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-2-303-317.
 21. Воскресенский А.Д. (2012). Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. №2. С. 39. DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58.

Однако замена широко применяемого понятия «региональная интеграция», т. е. создание региональных союзов, термином «регионализация», на мой взгляд, мало что дает в качественном осмыслении происходящих процессов, а больше запутывает читателя.

В данном докладе регионализация рассматривается в ее пространственном понимании разделения глобального экономического пространства на определенные региональные (трансрегиональные) сегменты, которые имеют общие характеристики и интересы развития.

Специфику такого разделения будет определять выбор доминирующих факторов регионализации (географических, экономических, институциональных, культурно-исторических, этнографических, военно-политических, идеологических, конфессиональных и т.п.), что предполагает различные типы (модели) глобальной регионализации. По существу, любые классификации стран или их рейтинги (простые, агрегированные, официальные, авторские) могут рассматриваться под углом зрения регионализации мировой экономики, отражая отдельные аспекты ее развития.

В соответствии с целью и задачами настоящего исследования были выделены 3 актуальных и вызывающих пристальное внимание экономических исследований типа регионализации глобального экономического пространства, а также рассмотрены особенности их формирования и функционирования. Среди них: 1) регионализация, основанная на прямых договорных форматах экономической интеграции (интеграционная регионализация), обусловленная прежде всего экономическими факторами; 2) регионализация, базирующаяся на макрорегионах и субрегионах (макрорегиональная регионализация), в которой доминирующим фактором является географическое положение; 3) регионализация, обусловленная политическими факторами (геополитическая фрагментация). Основной объем доклада был отведен геополитической фрагментации, которая приобрела особую значимость в современных условиях.

ИНТЕГРАЦИОННАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ

Большинство исследователей связывают развитие процесса регионализации мировой экономики с началом подписания региональных экономических соглашений, таких как зоны свободной торговли (ЗСТ), таможенные союзы и интеграционные союзы, которые характеризуются разным уровнем либерализации межгосударственного перемещения отдельных факторов производства. Такого традиционного подхода придерживаются М. Китинг и Дж. Лафлин²², Э.Д. Мэнсфилд и Х.В. Милнер²³, Дж. Кевин²⁴, Дж.А. Френкель²⁵, Г.М. Костюнина²⁶, Л. Бриджет²⁷.

Поэтому наиболее распространенной точкой зрения о начале интеграционной регионализации является то, что данный процесс отчетливо высветился с 1950-х годов и значительно ускорился в 2000-е годы. Это хорошо иллюстрирует диаграмма ВТО (рис. 1).

-
22. *Keating M, Loughlin J.* (1997). *The Political Economy of Regionalism.* London: Routledge.
 23. *Mansfield E.D., Milner H.V.* (1999). *The New Wave of Regionalism.* International Organization. Vol. 53. Issue 3. Pp. 589–627. DOI: 10.1162/002081899551002.
 24. *Kevin G.* (2010). *Regionalism in the World Economy since the 1950s. The Politics of Economic Regionalism.* London: Palgrave Macmillan. Pp. 68–90. DOI: 0.1057/978023.
 25. *Frankel J.A.* (1998). *The Regionalization of the World Economy. Regionalism and Rivalry.* Chicago: University of Chicago Press. Pp. 1–6.
 26. *Костюнина Г.М.* (2020). Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. №2. С. 303–317. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317.
 27. *Brigitte L.* (2006). *Emerging Countries, Regionalization, and World Trade* // *Global Economy Journal.* Vol. 6. Issue 4. Pp. 1–31. DOI: 10.2202/1524-5861.1217.

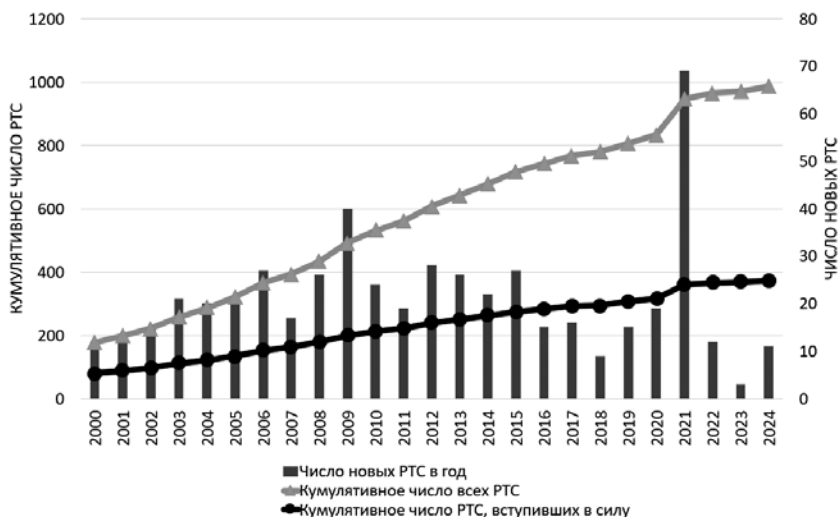

Рис. 1. Рост региональных торговых соглашений в мире, 2000–2024 гг., по состоянию на 1 сентября 2024 г.

Источник: WTO (2024). Regional Trade Agreements. Database. <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>

Согласно данным ВТО, на начало 2024 г. было зарегистрировано 605 региональных торговых соглашений (РТС). Правда, в силу вступили 369 РТС, из которых в 1948–2000 гг. – 82 соглашения, что составляет 22,2% от всех РТА. Таким образом, подавляющее большинство РТС (77,8%) было заключено в последние 25 лет. После глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. темпы прироста действующих РТС замедлились. Исключение – 2021 г., когда после ковидной паузы наблюдался резкий прирост в 44 соглашения. В 2022 г. прирост составил 6, в 2023 г. – 3, а за 8 месяцев 2024 г. – 7 РТС. Все это позволяет говорить о некотором замедлении классической интеграционной регионализации мировой экономики, не последнюю роль в котором сыграло разочарование государств в отношении соглашений о свободной торговле, которая является главным критерием выделения классических интеграционных союзов²⁸.

28. Butorina O.V., Borko Y.A. (2022). Benefits of Regional Integration: Redefining the Concept. Herald of the Russian Academy of Sciences. Vol. 92. Pp. 105–112. DOI: 10.1134/S1019331622080020; Hayakawa K., Baek J. (2022). Small or negative trade effects of regional trade agreements: Fixed costs of exporting vs investing. <https://cepr.org/voxeu/columns/small-or-negative-trade-effects-regional-trade-agreements-fixed-costs-exporting-vs>

Основу РТС составляют соглашения о ЗСТ (55,9%) и об экономической интеграции (34,1%). Это соотношение незначительно изменилось за последние 8 лет, прежде всего за счет соглашений об экономической интеграции, доля которых в 2015 г. составляла 30,9%, а доля соглашений о ЗСТ была 56,4%. Уменьшилась доля РТС о таможенном союзе: с 7,0% в 2015 г. до 5,2% в 2023 г.

Новой тенденцией в развитии интеграционной регионализации с середины 2010-х годов стала трансрегионализация. Она выражается в создании государствами, располагающимися на разных континентах, экономических партнерств интеграционного типа на межрегиональном (трансрегиональном) уровне. То есть основным мотивом создания таких экономических объединений является не территориальная близость и наличие общих границ, как это происходит в классических интеграциях, а общность экономических интересов и соответствующие межгосударственные договоренности²⁹. В официальных названиях трансрегиональных союзов, построенных на принципах расширенных ЗСТ по модели ВТО Х, используются такие словосочетания, как «экономическое партнерство» или «всеобъемлющая зона свободной торговли».

Первое трансрегиональное соглашение нового типа – Транстихоокеанское партнерство (ТТП) – было подписано 12 государствами 4 февраля 2016 г., а после выхода из него США в 2017 г. было переименовано во Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (ВПТПП). В 2021 г. 15 государствами после 9-летних переговоров было подписано соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). Несколько трансрегиональных соглашений было заключено Евросоюзом – с Канадой, Вьетнамом, Японией, Сингапуром; ЕАЭС – с Вьетнамом, Сербией, Ираном, Сингапуром. В целом незначительное количество трансрегиональных соглашений мало влияет на динамику РТС в статистике ВТО, однако серьезный торгово-экономический и технологический потенциал большинства из них определяет особую роль этих союзов в глобальном экономическом пространстве (табл. 1).

29. Хейфец Б.А. (2019). Новые экономические мегапартнерства и Россия. СПб: Алетейя. С. 30, 32.

Таблица 1. Позиции крупнейших трансрегиональных экономических партнерств в мировой экономике, %

Показатель	Число участников	Доля в ВВП	Доля в экспорте	Доля в населении
Транстихоокеанское партнерство с участием США	12	38	26	11
Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство	11	12	15	7
Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство	15	30	25	30
Зона свободной торговли ЕС – Канада	28	18	15	7
Зона свободной торговли ЕС – Япония	28	20	16	8
Африканская континентальная зона свободной торговли	54	3	4	17

Источник: Портанский А.П. (2024). Опасность фрагментации глобальной экономики нарастает // Вестник международных организаций. Т. 19. № 2. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-01. Дополнено автором.

Еще одним вектором развития интеграционной регионализации может стать новый подход к международной экономической интеграции, который вводит понятие накопительной интеграции, объединяющей все разнообразные формы экономического взаимодействия заинтересованных в таком сотрудничестве государств, кроме основанных на правилах свободной торговли, как это происходит в классических интеграционных союзах³⁰.

Накопительные интеграционные объединения могут быть институализированы через стратегические договоры о взаимодействии, соглашения по конкретным сферам сотрудничества или по отдельным проектам, которые имеют экономические компоненты и подразумевают принятие их подписантами международно-правовых обязательств. При этом формальный уровень играет базовое значение скелета накопительной интеграции, но может быть дополнен другими договоренностями на неформальном уровне в форме программ, стратегий, дорожных карт, конвенций, протоколов, уставов совместных организаций, деклараций, меморандумов

30. Хейфец Б.А. (2023). Накопительная модель международной экономической интеграции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. №1. С. 35–52. DOI: 10.31249/kgt/2023.01.01.

и т.п. Неформальный уровень – это кровеносные сосуды и мускулы накопительной интеграции.

Самым ярким примером накопительной интеграции является китайская «Инициатива Пояс и Путь» (ИПП), которая, по состоянию на октябрь 2023 г., была поддержана более 150 странами и 30 международными организациями³¹. Такой мощный географический охват обусловлен простыми условиями участия в данном проекте, для чего достаточно публично заявить об его одобрении, подписав соответствующий меморандум, не принимая конкретных договорных обязательств, как это происходит в традиционных интеграционных союзах.

Среди других примеров накопительной интеграции можно назвать Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), в которое входят 19 стран и 2 территории; созданную по инициативе США в 2022 г. 14 государствами Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру (ИТЭС); объединение БРИКС плюс, в которое с 1 января 2024 г. входят 9 государств; Шанхайскую организацию сотрудничества; Восточное партнерство ЕС; подписанное в 2018 г. после трехлетних переговоров и попыток создания общей ЗСТ непреференциальное торгово-экономическое соглашение ЕАЭС с КНР; ГУАМ; Организацию Тюркских государств; Совет сотрудничества государств Персидского залива; Организацию черноморского сотрудничества; торговые и инвестиционные соглашения 5 стран Центральной Азии (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистан) по модели С5+1 с США, ЕС, государствами Персидского залива; созданное в конце 2023 г. 12 государствами Северной и Южной Америки Партнерство стран Америки ради экономического процветания; Торговое и экономическое партнерство 4 стран ЕАСТ и Индии и многие другие подобные союзы. Ряд из них обладает большим экономическим потенциалом и огромным влиянием в международных отношениях. В настоящее время такие объединения не учитываются в базе данных ВТО, хотя получают все большее распространение, так как не выставляют обязательные требования для участников, чувствитель-

31. Си Цзиньпин (2023). Выступление на церемонии открытия 3-го Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути». 18 октября. http://russian.china.org.cn/china/txt/2023-10/18/content_116757989.htm

ные для их национального суверенитета, но создают дополнительные привлекательные условия для взаимодействия на формальном и неформальном уровнях.

В отличие от большинства других типов регионализации интеграционная регионализация не имеет одномерного отражения на географической карте, а может быть представлена только в многомерном объемном пространстве, так как характеризуется переплетением различных интеграционных объединений. Не случайно, что этот тип регионализации благодаря американскому экономисту индийского происхождения Джагдиш Бхагвати получил яркую метафору – «миска спагетти» (Spaghetti Bowl)³², которая отражает ее сложную геопространственную конфигурацию, когда отдельные страны одновременно состоят в нескольких интеграционных союзах (рис. 2).

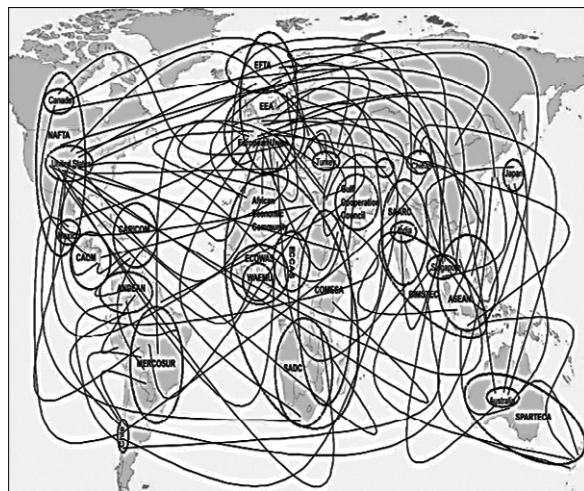

Рис. 2. Переплетение двусторонних и многосторонних торговых соглашений в мире

Источник: Sung Hee Lee, Kun Soo Park, Yong Won Seo (2017). Multinational Firm's Production Decisions under Overlapping Free Trade Agreements: Rule of Origin Requirements and Environmental Regulation. Sustainability. Vol. 9. No. 42. P. 3. DOI: 10.3390/su9010042.

32. Bhaagwati J. (1995). US Trade policy: The infatuation with free trade agreements. April. Discussion Paper Series No. 726. <https://academiccommons.columbia.edu>. DOI: 10.7916/D8CN7BFM.

«Миска спагетти» стала еще полнее к настоящему времени. На начало 2024 г. максимальное число РТС было у всех членов ЕС – по 46, из которых в 5 РТС в качестве второй стороны представлен другой многосторонний интеграционный блок. У Великобритании – 38 РТС, Исландии – 35, Лихтенштейна, Швейцарии и Норвегии – по 34, Сингапура – 27, Турции – 25, Мексики – 23, Парагвая – 21, Австралии – 19, Китая и Панамы – по 18, США и Новой Зеландии – по 14 соглашений³³. Не случайно, что интеграционная регионализация воспринимается как синоним регионализации глобального экономического пространства.

33. WTO (2024). Regional trade agreements notified to the GATT/WTO and in force. By country and territory. <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx>

МАКРОРЕГИОНАЛЬНАЯ
РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ

Под макрорегионом понимается большая территориальная зона, объединяющая в группу несколько сопредельных государств или регионов, обладающих общими чертами и особенностями. Дифференциация мира на макрорегионы, как отмечают Й. Андел и его соавторы, используется для «легкого понимания» разделения глобального уровня на более крупные и максимально четко очерченные единицы, являющиеся внутренне однородными³⁴.

Разделение мира на макрорегионы, включающие менее крупные субрегионы, использует Статистический отдел ООН для своих статистических обследований и отражения тенденций регионального развития. Для этого была разработана Геосхема мира, которая делит 249 стран и территорий на 6 макрорегиональных групп (Азия, Африка, Северная Америка, Южная Америка, Европа, Океания) и 22 субрегиональные группы (рис. 3). В рамках ООН такие международные организации, как ЮНИДО или ЮНЕСКО, используют иные территориальные группировки стран и групп стран, не говоря уже о подобных классификациях Всемирного банка, МВФ, ВТО, ОЭСР и других международных институтов. При этом учитываются и дополнительные негеографические факторы, например выделение наименее развитых стран, стран, не имеющих выхода к морю, малых островных развивающихся стран и т.п.

34. *Anděl J., Bičík I., Bláha J.* (2018). Concepts and delimitation of the world's macro-regions // *Miscellanea Geographica. Regional Studies on Development*. Vol. 22. No. 1. Pp. 16–21. DOI: 10.2478/mgrsd-2018-0001.

Рис. 3. Макрорегионы и субрегионы мира

Источник: Геосхема_мира_(ООН). <https://wiki2.org/ru/>

Доминирующее экономическое положение в мировой экономике занимают 3 макрорегиона — Азия, которая, по оценке экспертов ООН, за последние 40 лет в 2,5 раза увеличила свою долю в глобальном ВВП в номинальном выражении, а также Северная Америка и Европа, ухудшившие свои позиции по сравнению с 1970 г. На эти макрорегионы в 2022 г. суммарно приходилось более 91% мирового ВВП (табл. 2).

Таблица 2. Изменение роли отдельных макрорегионов в глобальном ВВП

Регион	1970 г.		2000 г.		2022 г.	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Азия	516	15,07	9582	28,36	38005	37,69
Северная Америка	1235	36,07	11976	35,44	30162	29,91
Европа	1385	40,46	9708	28,73	23859	23,66
Южная Америка	117	3,41	1371	4,06	3858	3,83
Африка	117	3,41	673	1,99	2871	2,85
Океания	54	1,58	481	1,42	2081	2,06
Мир	3423	100	33791	100	100835	100

Источник: IMF, UN (2024). List of continents by GDP. <https://statisticstimes.com/economy/continents-by-gdp.php>

Среди субрегионов по экономическому потенциалу выделяются представители трех ведущих макрорегионов. По оценке экспертов МВФ, в 2024 г. почти $\frac{3}{4}$ глобального ВВП придется (в %): на Восточную Азию (25,63), Северную Америку (16,88), Южную Азию (10,92), Западную Европу (7,22), Юго-Восточную Азию (6,44), Восточную Европу (5,55) и Западную Азию (5,30)³⁵.

Основаниями для макрорегиональной регионализации кроме географического положения могут быть другие важные факторы. Дж. Джонс предложил дифференциацию стран мира на макрорегионы с помощью разработанного им комплексного индекса сходства стран, где в равной степени (по 20%) учитываются 5 факторов — демография, культура, политика правительства, инфраструктура и география. С помощью этого индекса были выделены 9 макрорегионов мира³⁶.

П. Кальверт считал, что международный регион сможет успешно функционировать при следующих условиях: устойчивости входящих в него государств, наличии общего языка, хотя бы в части региона, цивилизационной близости и / или общей религии, политической воли к сотрудничеству с целью укрепления международных позиций региона и участия в деятельности ООН³⁷.

А.Д. Воскресенский выделяет несколько характеристик макрорегионов, которые могут рассматриваться как отдельные направления макрорегиональной регионализации: географические, историко-культурные, культурно-религиозные, геоэкономические и геополитические, международно-политические макрорегионы³⁸.

В связи с развитием процессов глобализации появляется новое понимание экономического макрорегиона в мировой экономике. Так, Л.З. Зевин выделяет международные экономические регионы как институты, выполняющие своеобразную посредническую функ-

35. IMF, UN (2024). List of continents by GDP. <https://statisticstimes.com/economy/continents-by-gdp.php>

36. Jones J. (2022). The 9 Unique Regions of the World. <https://objectivelist.com/2022/12/30/regions-of-the-world>

37. Calvert P. (1994). The International Policies of Latin America. Political Studies. Pp. 29–30.

38. Воскресенский А.Д. (2002). Региональные подсистемы международных отношений и регионы (к постановке проблемы). Восток – Запад – Россия. М.: Прогресс. С. 139–142.

цию в преодолении резкой асимметрии между страновой специфической и глобальной конъюнктурой³⁹.

Во многом сходной точки зрения придерживается Б. Коллинз, рассматривающий международный регион не только как географическую единицу, но и как социальную систему с налаженным сотрудничеством в ряде сфер (безопасность, экономика, культура) и / или как функционирующий субъект с четкой идентификацией⁴⁰.

Такая позиция помимо всего прочего отражает тесную связь макрорегиональной регионализации с интеграционной регионализацией и геополитической фрагментацией. Тем более что в связи с усилением конфликтности в мировой экономике, климатическими и экологическими вызовами происходит более быстрая консолидация государств на субрегиональном уровне, где создаются новые и укрепляются существующие институты сотрудничества.

-
39. Зевин Л.З. (2016). Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 26–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-8-26-33П.
40. Collins B. (2010). Does Regionalism challenge Globalization or build upon it? 29 June. [https:// www.studocu.com/ph/document/polytechnic-university-of-the-philippines/mechanical-engineering/does-regionalism-challenge-globalization-or-build-upon-it/10800607](https://www.studocu.com/ph/document/polytechnic-university-of-the-philippines/mechanical-engineering/does-regionalism-challenge-globalization-or-build-upon-it/10800607)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ

Термин «фрагментация» широко используется в естественных науках, медицине, математике, программировании и т.п. Как отмечается в Большой российской энциклопедии, фрагментация – процесс, в результате которого нечто изначально целое оказывается разделенным на множество мелких частей, фрагментов⁴¹. Этот термин переключался в общественные науки, став синонимом регионализации (сегментации) мировой экономики и международных отношений.

В то же время трактовка термина «фрагментация» принципиально изменилась за последние годы в связи с ростом числа межгосударственных политических и военных конфликтов, а также с невиданным ранее расширением санкционных войн, ставших главными драйверами новой регионализации мировой экономики. Существуют различные базы данных по санкциям. Согласно одной из них – Базе данных глобальных санкций (The Global Sanctions Data Base), количество пакетов торговых, финансовых и туристических ограничений увеличилось в 2 раза в 2010–2019 гг. по отношению к предыдущему десятилетию, а в 2020–2022 гг. выросло еще в 1,5 раза, достигнув исторического максимума (рис. 4).

41. БРЭ (2024). <https://bigenc.ru/c/fragmentatsiia-fe47dc?ysclid=ls7canc6s5135981032>

Рис. 4. Рост числа пакетов международных санкций в мире, принятых в 1950–2022 гг.

Источники: Syropoulos C. et al. (2023). The Global Sanctions Data Base – Release 3: COVID-19, Russia, and Multilateral Sanctions; Review of International Economics. 10 June. P. 29. DOI: 10.1111/roie.12691; Симачев Ю.В. и др. (2024). Мир в лабиринте санкций: промышленная политика на перепутье. М: ИД НИУ ВШЭ. С. 13, 14.

В 2023 г. все основные юрисдикции, вводящие автономные санкции, еще на более чем 10% расширили свои санкционные программы. Канада, Франция, ЕС, Швейцария и Великобритания приняли свыше 600 новых санкций, в то время как США – 2376, что немногим меньше, чем в 2022 г. (2441 санкция)⁴².

Поэтому не случайно, что в новой реальности термин «фрагментация» приобрел политическое содержание, стал синонимом вынужденного раскола глобального экономического пространства, что выразилось в ставшем устойчивым словосочетании «геополитическая фрагментация». Как остроумно отметили эксперты VCG, торговля, которая когда-то формировала геополитику, теперь сама формируется геополитикой⁴³.

Этой позиции придерживается и ряд других авторов. Так, А. Вольфф подчеркивает, что «торговля в период стресса в между-

42. Vuksic S. (2024). Year in Review: How Sanctions Changed in 2023 with 17 charts. <https://www.castellum.ai/insights/2023-sanctions-year-in-review>

43. Varadarajan R. et al. (2023). The Unwinding of Global Tech Supply Chains. 23 March. <https://www.bcg.com/publications/2023/the-unwinding-of-global-tech-supply-chains>

народных отношениях становится инструментом в конфликте»⁴⁴. А. Грант и З. Хайдер замечают, что сейчас мы живем в мире, где геополитика берет верх над рынками капитала⁴⁵. И.В. Ильин и О. Г. Леонова считают, что многие из новейших экономических тенденций современной глобализации стали следствием политического взаимодействия между политическими лидерами глобального мира и принимаемыми ими политическими решениями⁴⁶.

Поэтому не случайно, что в данном исследовании предпочтение отдано термину «геополитическая фрагментация» (*geopolitical fragmentation*), который точнее отражает суть этого процесса, подчеркивая особое значение политического аспекта в современных реалиях. Хотя в первом обстоятельном докладе экспертов МВФ по данной проблематике, опубликованном в январе 2023 г. «Геоэкономическая фрагментация и будущее мультирализма» был предложен другой термин — «геоэкономическая фрагментация» (*geoeconomic fragmentation*)⁴⁷, в дальнейшем во многих других научных работах по данной проблематике стали использоваться оба эти понятия. Они близки по своему смыслу и фактически являются синонимами. Геоэкономикой называют государственную политику, связанную с возвышением роли государства и его экономической мощи и обеспечивающей достижение геополитических и экономических целей мирового или регионального превосходства экономическим путем⁴⁸. Геополитика, по существу, направлена на те же цели, но основана на более комплексном подходе к закономерностям распределения и перераспределения сфер влияния отдельных центров силы, государств или межгосударственных объединений, а также на обеспечение контроля над территориями с использованием различных, а не только экономических, инструментов.

-
44. Wolff A. (2024). Reluctant Interdependence: Multilateralism in a Time of Fragmentation. January. <https://ecipe.org/blog/reliant-interdependence-multilateralism-in-fragmentation>
 45. Grant A., Haider Z. (2023). Geopolitical Risk: Navigating a world in flux. <https://www.mckinsey.com/capabilities/risk-and-resilience/our-insights/geopolitical-risk-navigating-a-world-in-flux>.
 46. Ильин И.В., Леонова О.Г. (2023). Новые подходы к исследованию глобализации // Век глобализации. №3. С. 42. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.03.
 47. Aiyar Sh. et. al. (2023). Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Note SDN/2023/001 Washington DC: IMF. January.
 48. Clayton Ch., Maggiori M., Schreger J. (2023). A Framework for Geoeconomics. NBER. Working Papers 31852. 7 November. P. 1. DOI: 10.3386/w31852.

Такое толкование фрагментации было у С. Хантингтона, который в своем фундаментальном труде «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка» при рассмотрении мировой системы международных отношений использовал термин «фрагментация мирового порядка»⁴⁹. Подобный подход к фрагментации разделяют многие сторонники концепции «ядро-периферия»: И. Валлерштайн⁵⁰, П. Нойманн⁵¹, Д. Лоренц⁵², Дж. Фридман⁵³, П. Кругман⁵⁴, К. Штиф⁵⁵. В настоящее время понятию фрагментации стали отводить роль пространственного отражения границ противоборствующих прежде всего в политической сфере блоков.

Современную геополитическую фрагментацию можно определить как процесс, тесно связанный с политическими решениями и ведущий к сворачиванию глобальных связей, кардинально изменяющих сложившиеся эффективные глобальные цепочки стоимости и ослабляющих сформировавшиеся системы международного регулирования, включая институты, которые должны способствовать миру и стабильности, глобальной и национальной финансово-экономической безопасности, а также созданию условий для получения населением планеты жизненно важных общественных благ. Тем самым геополитическая фрагментация является серьезнейшим вызовом глобализации и фундаментальным экономическим законам функционирования мировой экономики и международного разделения труда, основанным на теориях Смита, Рикардо и Хекшера-Олина.

Современная геополитическая фрагментация по сравнению с самой масштабной геополитической фрагментацией, которая

-
49. Huntington S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: SIMON & SCHUSTER.
 50. Валлерштайн И. (2001). Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб: Университетская книга.
 51. Neumann P. (2008). Fragmentation versus Unity of the World Economy. *Acta Oeconomica Pragensia*. Vol. 16. Issue 2. Pp. 70–89. DOI: 10.18267/J.AOP.58.
 52. Lorenz D. (1989). Trends towards regionalism in the world economy. *Intereconomics*. Vol. 24. Issue 2. Pp. 64–70. DOI: 10.1007/BF02928553.
 53. Friedmann J. (1972). *A General Theory of Polarized Development. Growth Centers in Regional Economic Development*. New York: The Free Press. Pp. 82–107.
 54. Krugman P. (1991). *Geography and Trade*. Cambridge: MIT Press.
 55. Stief C. (2023). Core and Periphery, Two Types That Make the World. 5 April. thoughtco.com/core-and-periphery-1435410

наблюдалась во второй половине XX в., имеет ряд принципиальных отличий:

- определяется прежде всего политическими соображениями, тогда как идеологические факторы не играют такой существенной роли, как в прошлом;
- опирается на более широкий и дифференцированный состав противоборствующих блоков;
- носит динамичный и неустойчивый характер, может сопровождаться новыми волнами конфронтации и их затуханиями, что затрудняет определение отдельных противоборствующих блоков, в рамках которых также могут существовать конфликты между некоторыми участниками;
- происходит в более взаимосвязанном и взаимозависимом мире и сочетается с наличием тесных экономических связей или интеграционных союзов представителей разных противоборствующих блоков;
- является достаточно условной из-за большого разнообразия национальных интересов значительно увеличившегося количества независимых государств, а также бурной технологической революции, не позволяющих создать «железный занавес», существовавший в разгар холодной войны I.

Для характеристики геополитической фрагментации, особенно количественной оценки ее влияния на глобальную экономику, принципиальное значение имеет состав противоборствующих блоков и критерии выделения таких блоков. Так, в геополитической фрагментации периода холодной войны I один из противоборствующих блоков (его часто называли социалистическим лагерем) был представлен социалистическими странами во главе с СССР. К концу распада социалистического блока, опиравшегося на марксистскую идеологию, насчитывалось 15 таких государств. В другой блок входило прежде всего 17 ведущих капиталистических стран во главе с США, которые в 1949 г., чтобы ограничить экспорт стратегических ресурсов и технологий в коммунистический блок, создали Координационный комитет по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ). КОКОМ был расформирован в 1994 г.

Выбрать общий убедительный критерий для современной геополитической фрагментации, который позволил бы дать коли-

чественную оценку ее влияния на развитие мировой экономики, достаточно сложно. Во многих вышедших в 2022–2024 гг. публикациях по данной теме используются результаты голосования членов ООН, которые в силу различных причин, включая политическую конъюнктуру, мало приемлемы для оценки политической ориентации государства, особенно когда используются данные только одного голосования, привязанного к конкретной дате и одной проблеме. Поэтому подобное разделение на отдельные группы государств можно назвать гипотетическим, применяемым только для формализации очень условной оценки текущей ситуации и составления виртуальных прогнозов ее развития с помощью инструментов математического моделирования.

В качестве примера можно назвать исследование экспертов МВФ и Банка Испании, где использовалось голосование по резолюции Генассамблеи ООН от 7 апреля 2022 г. о приостановке членства России в Совете по правам человека, когда голосовавшие за ее принятие 93 государства были выделены в условный Западный блок, против – 24 страны – в Восточный блок, а 58 воздержавшихся – в Нейтральный блок (рис. 5).

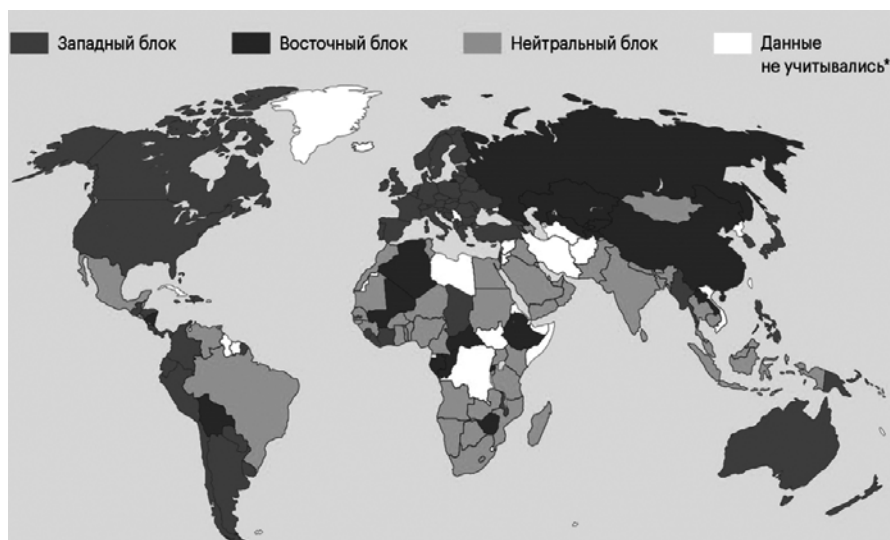

Рис. 5. Пример фрагментации мировой торговли

Источник: Campos R. et al. (2023). Geopolitical fragmentation and trade. 31 July. <https://cepr.org/voxeu/columns/geopolitical-fragmentation-and-trade>

В другом исследовании экспертов МВФ, сфокусированном на торговой фрагментации, кроме геополитических учитывались экономические факторы – направленность торговых связей. В частности, среди 191 юрисдикции были выделены два блока – США–Европа+ (Блок I) и Китай–Россия+ (Блок II). При этом рассматриваются 2 варианта конфигурации обоих блоков: простая группировка и группировка с учетом главных торговых партнеров, что значительно меняет их состав. При этом в конфигурации I в Блок I (США–Европа+) входят все страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны, за исключением Индии, Индонезии и стран Латинской Америки, которые отнесены к блоку Китай–Россия+. В конфигурации II страна попадает в блок США–Европа+, если она торгует больше с США и ЕС вместе взятыми, чем с Китаем и Россией, вместе взятыми. В противном случае такая страна относится к блоку Китай–Россия+. Соответственно, меняются и контуры фрагментации. В Блок I в конфигурации I были включены 51 страна, а их число в конфигурации II увеличилось до 126; соответствующие показатели для Блока II составили 140 и 65 стран⁵⁶.

М. Болхуис и соавторы также используют фактор направленности торговых связей, выделяя два уровня фрагментации глобального торгового пространства – стратегический декаплинг и собственно геоэкономическая фрагментация. Они также выделили Группу I, условно названную США и ЕС и Группу II – Россия–Китай. В случае геополитической фрагментации присоединение отдельных стран к той или иной группе осуществлялось в зависимости от того, с кем, США или с Китаем, больше ее торговля⁵⁷.

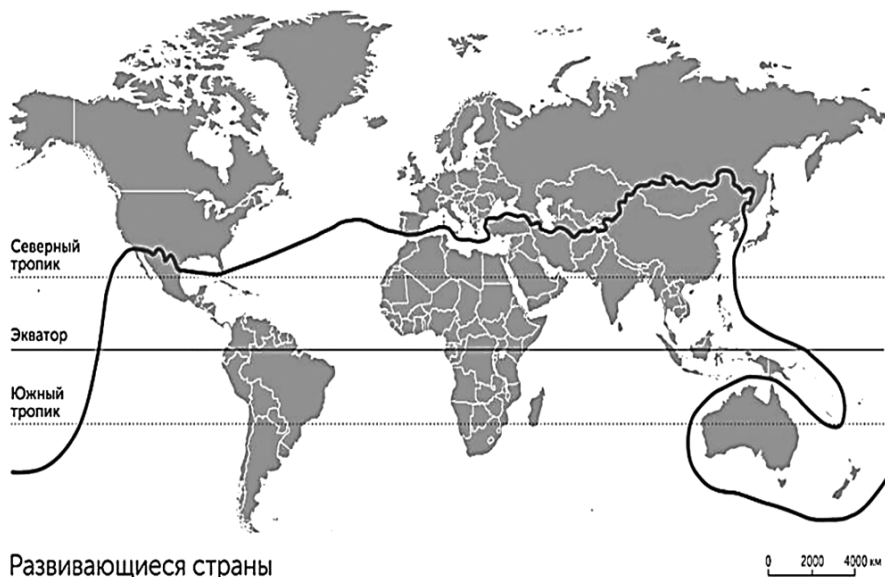
В 1969 г. тогдашним канцлером ФРГ В. Брандтом было предложено эмпирическое деление мирового экономического пространства на «Глобальный Юг» и «Глобальный Север», которое получило название «Линия Брандта» (рис. 6). Это разделение глобального экономического пространства учитывало не столько географическое положение стран и их внешнюю политику, сколько уровень их социально-экономического развития. В «Глобальный Юг», который

56. *Alvarez J. et al. (2023). Goeconomic Fragmentation and Commodity Markets. IMF. Working Papers. October. No. 201. Pp. 35–37, 67, 68.*

57. *Bolhuis M. et. al. (2023). Fragmentation in Global Trade: Accounting for Commodities. 24 March. IMF. Working Paper No. 2023/073. P. 15.*

стал альтернативой термина «Третий мир», вошли развивающиеся и наименее развитые страны, или индустриализированные или находящиеся в процессе индустриализации государства, причем некоторые из них расположены в северном полушарии. Соответственно «Глобальный Север» представляли промышленно развитые страны северного полушария, плюс Австралия и Новая Зеландия из южного полушария⁵⁸.

Развитые страны

Развивающиеся страны

Рис. 6. Регионализация по «Линии Брандта»

Источник: Brandt W. (1980). North-South: a programme for survival. Report of the Independent Commission on International Development Issues.

В настоящее время подобная методика регионализации также используется в отдельных исследованиях, однако в современных условиях возрастает роль геополитических факторов и появляются новые линии раздела. В первую очередь они касаются диверсификации разнородного «Глобального Юга», который, по прогнозам, увеличит свою долю в мировом ВВП с 57% в 2020 г. до 72% в 2050 г.

58. UNCTAD (2024). Classification. <https://unctadstat.unctad.org/EN/Classifications.html>

К 2100 г. на «Глобальном Севере» будет проживать всего 12% мирового населения, в то время как в Азии и Африке, вместе взятых, — более 80%⁵⁹.

Для России логичным принципом разграничения глобального экономического пространства является разделение мира на так называемые недружественные и дружественные страны, основанием для которого является введение антироссийских санкций или присоединение к ним. Дружественные страны — это те, кто поддерживает Россию или занимает нейтральную позицию. Первый такой перечень стран, осуществляющих недружественные действия по отношению к Российской Федерации, был утвержден Распоряжением Правительства от 5 марта 2022 г. и включал 48 развитых западных государств (рис. 7). На начало 2024 г. он расширился на несколько стран (от 1 до 5, по разным источникам), но официальных данных пока не было опубликовано. На основании такого разделения государств мира можно выделить условный Западный блок. В 2023 г. на него приходилось около 70% мирового ВВП.

Рис. 7. Российский вариант геополитической фрагментации

Источник: Правительство России (2022). Распоряжение от 5 марта 2022 года №430-р. <http://government.ru/docs>

59. Frankema E. (2024). From the Great Divergence to South-South divergence. 2 January. <https://cepr.org/voxeu/columns/great-divergence-south-south-divergence>

Попадание в список недружественных стран связано с различными мерами по свертыванию связей, в том числе с запретом или ограничением на ввоз/вывоз товаров, ограничением инвестиционных и валютно-финансовых операций, с разрывом соглашений об избежании двойного налогообложения и отказом от предоставления налоговых льгот, с запретом на покупку государственного и муниципального имущества для граждан и организаций недружественных стран и т.п.

Сложнее определить конфигурацию противоборствующего Западному блоку, который так же условно можно назвать Незападным (его часто называют Восточным, или Глобальным Югом, противостоящим Глобальному Северу, что не совсем соответствует действительности). Дело в том, что российская фрагментация, как и любая другая геополитическая фрагментация, не может иметь четкой базовой линии разделения. Политические решения очень изменчивы и непредсказуемы, особенно в современных условиях глобальных потрясений. Такая фрагментация часто зависит от меняющегося влияния отдельных партий и политических сил. Ярким примером здесь является решение нового президента Хавьера Милея, отказавшегося в декабре 2023 г. от ранее согласованного вхождения Аргентины в БРИКС.

Подобные ситуации были и во время геополитической фрагментации в XX в., когда серьезные конфликты возникали между странами одного блока (СССР и КНР, СССР и СФРЮ, СССР и Албания). Региональные блоки в настоящее время еще в большей степени не являются сплоченными, что отражает различные экономические интересы и интересы безопасности между членами и региональным гегемоном⁶⁰. Непростым в этом отношении является 2024 г., когда в мире пройдут около 70 выборов, касающихся высших органов исполнительной и законодательной властей, важнейшими из которых с точки зрения геополитической фрагментации станут президентские выборы в США.

Например, ряд дружественных или нейтральных стран, тесно взаимодействующих с Западным блоком, могут частично присо-

60. Dadush U., Prost D. E. (2023). Preferential Trade Agreements, Geopolitics, and the Fragmentation of World Trade. *World Trade Review*. Vol. 22. No. 2. Pp. 278–294. DOI: 10.1017/S1474745623000022.

единиться к антироссийским санкциям из-за угрозы вторичных санкций. Так, крупные банки ОАЭ, активно использовавшиеся российским бизнесом и физическими лицами и превратившиеся для России в «дублеров» кипрских банков, стали в конце 2023 г. — начале 2024 г. закрывать соответствующие счета и отказываться от денежных переводов из/в Россию⁶¹. С аналогичными проблемами все чаще сталкиваются российские юридические и физические лица даже в таких дружественных странах, как Китай, Индия, Турция, Индонезия, Узбекистан, Армения и ряде других. И не желающих принимать на себя излишние санкционные риски в виде вторичных санкций по разным причинам, в том числе из-за меньшего значения связей с Россией по сравнению со странами Западного блока.

Это еще раз говорит о том, что понятие нейтралитета в современном мире, как и «дружбы навек» весьма тонкое и относительное. С другой стороны, вряд ли такие действия, если они не будут усиливаться, приведут к заметному изменению российской конфигурации противоборствующих блоков.

В данной связи особо необходимо сказать о так называемых «третьих странах», которые не присоединяются к американским и европейским санкциям и сами не находятся под санкциями. Это блок из 120 членов «Движения неприсоединения» (создано еще в 1961 г. из государств, не участвующих в военных блоках), на которые в 2022 г. приходилось 38% мирового ВВП (в 1990 г. было 15%). В них находятся 5 из 20 самых важных финансовых центров мира⁶².

В то же время этот блок крайне неоднороден, интересы входящих в него стран могут сильно различаться и будут меняться в новых реалиях. В частности, его экономический потенциал и материальная заинтересованность позволяет нейтральным странам благодаря использованию гибких финансовых схем, прежде всего офшорных финансовых сетей, и логистических новаций обходить западные санкции. Отдельные страны этого блока включились в интеграционные объединения государств Западного и Незападного блоков, и даже в их некоторые новые военные союзы.

61. Гринкевич Д., Бойко А. (2024). Крупные банки ОАЭ ограничили расчеты с РФ и стали закрывать счета клиентов // Ведомости. 19 февраля.

62. The Economist (2024). Russia outsmarts Western sanctions – and China is paying attention. 21 February.

Это убедительно проявляется во ВРЭП, где существует либеральная ЗСТ стран из обоих блоков (Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия – Западного, а Китай, 10 государств АСЕАН – Незападного). Другой пример относится к формату «Четверки» (Quad) – Четырехстороннему диалогу по вопросам безопасности, куда наряду с США, Австралией, Японией входит лидер «Движения неприсоединения», участник БРИКС и ШОС, Индия.

Существуют и торговые конфликты между странами одного блока. Это, например, касается непростых отношений таких крупных экономических и политических акторов, как Китай и Индия, которая в 2023 г. ввела новые антидемпинговые пошлины на китайскую сталь и на промышленные лазерные станки.

В данной связи при анализе и прогнозе процессов геополитической фрагментации возникает необходимость рассмотрения различных вариантов и сценариев, что позволяет учесть некоторые нюансы реальных фрагментационных процессов.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ

1. Общие оценки экспертов

В подавляющем большинстве публикаций дается отрицательная оценка современной геополитической фрагментации, которая способствует замедлению экономического развития многих стран, обостряет достижение общих целей устойчивого развития. Как отмечает управляющий директор МВФ Кристиалина Георгиева, фрагментация обходится дорого даже в обычное время и делает практически невозможным управление огромными глобальными проблемами, с которыми сейчас сталкивается мир: войны, изменение климата, пандемии⁶³. Обусловленная политикой, новая регионализация глобального экономического пространства неизбежно приведет к сбоям, дублированию и значительному снижению эффективности.

Особенно жестко фрагментация затронет менее развитые страны. По некоторым оценкам, потери ВВП на душу населения из-за фрагментации в среднем в Азии на 80% и в Африке на 120% больше, чем в развитых экономиках⁶⁴. Однако увеличиваются и экономические издержки развитых стран. Например, в фрагментированном мире цена пшеницы при ее производстве в США будет примерно в два раза выше, чем в интегрированном мире⁶⁵.

63. *Georgieva K.* (2023). The Price of Fragmentation. September/October. <https://www.foreignaffairs.com/world/price-fragmentation-global-economy-shock>

64. *Hakobyan Sh., Meleshchuk S., Zymek R.* (2023). Divided We Fall: Differential Exposure to Geopolitical Fragmentation in Trade, December. IMF Working Paper. WP/23/270.

65. *Gopinath G.* (2023). Charting a Course Through Rough Seas: How Emerging Markets Can Navigate Tougher External Conditions. 1 September. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/09/01/sp090123-gita-gopinath-keynote-address-at-the-sarb-biennial-conference>

В вышедших в 2023–2024 гг. работах в основном рассматриваются экономические потери в результате фрагментации торговли. Одна из первых количественных оценок потерь от фрагментации была дана в упоминавшемся докладе МВФ (январь 2023 г.), согласно которому издержки мирового производства в результате фрагментации торговли могут варьироваться от 0,2% (в ограниченном сценарии фрагментации) до 7% ВВП (в случае жесткой фрагментации⁶⁶). На уровне некоторых стран потери могут быть более существенными. Под наибольшим давлением окажутся самые бедные страны, которые в жестком сценарии потеряют 10,8% ВВП на краткосрочном (2–3 года) и 4,3% – на долгосрочном (7–10 лет) горизонте планирования. Кроме того, оценки потерь могут значительно возрасти, если к анализу будут добавлены новые сферы. Так, при учете технологического фактора суммарные потери могут составить от 8% до 12% ВВП в отдельных странах⁶⁷.

Симон Эвенетт и Николас Руге обобщили данные по 16 публикациям, касающимся оценок потерь глобального ВВП в результате фрагментации, которые были опубликованы в 2021–2023 гг. Они в целом коррелируют с приведенными оценками экспертов МВФ и колеблются от 0,1–0,3% до 6–8% ВВП в зависимости от разных сценариев фрагментации и значительно отличаются по отдельным странам⁶⁸. С этими данными совпадают и оценки российских ученых А.Л. Машковой и А.Р. Бахтизина, которые в сценарии глобальной торговой войны получили данные о снижении глобального ВВП на 4,0% от базового сценария⁶⁹.

Исходя из таких расчетов, можно сделать вывод, что геополитическая фрагментация является чрезвычайным риском для развития мировой экономики. Как отмечает Мяоцзе Юй, блоковая фрагментация может привести к уменьшению числа экономик,

-
66. Жесткий сценарий предполагает полное прекращение торговли между блоками ЕС – США и Россия – Китай, а также присоединение третьих стран к той или иной группе.
 67. *Aiyar Sh. et al. (2023). Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Note SDN/2023/001* Washington, DC: IMF, January. P. 4.
 68. *Evenett S., Ruge N. (2024). Geopolitical Rivalry and Business: 10 Recommendations for Policy Design. White Paper. The World Economic Forum. May. Pp. 17–18.*
 69. *Машкова А.Л., Бахтизин А.Р. (2024). Оценка последствий глобальных торговых войн для мировых экономик: инструменты и прогнозы // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (62). С. 12–30. DOI: 10.31737/22212264_2024_1_12-30.*

участвующих в глобальных производственных цепочках поставок. Соответственно, остальные экономики, которые продолжают участвовать в цепочках поставок, будут перераспределять свои торговые доли. В результате фрагментация блоков может создать угрозу глобальной устойчивости цепочек поставок⁷⁰. Это подтверждают и данные индекса давления на глобальные цепочки поставок (Global Supply Chain Pressure Index — GSCPI), который рассчитывается с 1997 г. Федеральным резервным банком Нью-Йорка⁷¹. Этот индекс в 2021 г. — начале 2022 г. достиг своих максимальных значений с 1998 г., хотя в 2023 г. уменьшился, достигнув в первой половине 2024 г. своего среднего уровня (рис. 8).

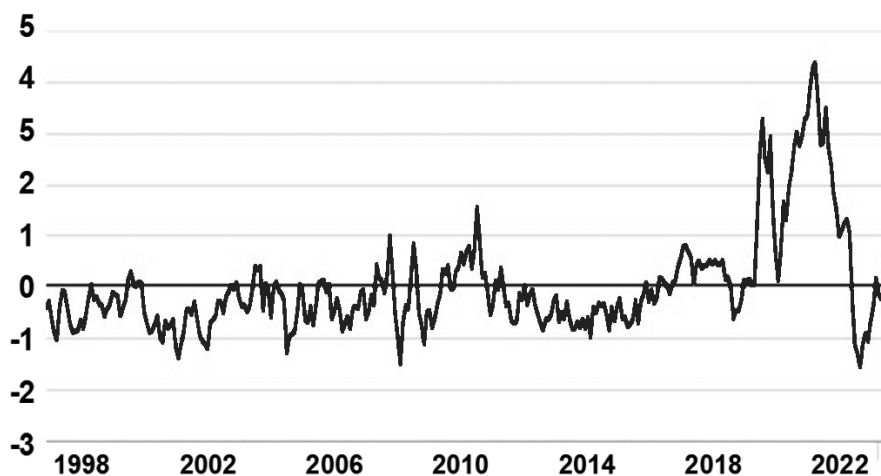

Рис. 8. Изменение индекса давления на глобальные цепочки поставок в 1998–2023 гг.

Источник: Federal Reserve Bank of New York (2024). Global Supply Chain Pressure Index. <https://www.newyorkfed.org/research/gscpi.html>

70. Miaojie Yu (2023). Re-globalization or fragmentation: choices and challenges. https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtr23_e/wtr23_ch_miaojie_yu_e.pdf

71. GSCPI рассчитывается на основе данных Baltic Dry Index, измеряющего стоимость доставки сырья по всему миру; Harrex index, измеряющего цены на контейнерные перевозки; индексов импорта/экспорта и входящих/исходящих авиаперевозок в США и из США; обследований по индексу менеджеров по закупкам (PMI), предоставляющих экономическую информацию от производственных предприятий в Китае, еврозоне, Японии, Южной Корее, Тайване, Великобритании и США.

Эксперты Всемирного банка пришли к выводу, что шаги по формированию более «враждебной» среды для глобальных цепочек создания стоимости, с переходом к глобальному перемещению в страны с высокими доходами и в Китай, могут привести к крайней нищете еще 52 млн человек. Напротив, меры по снижению торговых барьеров могут к 2030 г. вытащить из бедности еще почти 22 млн человек»⁷².

Цена фрагментации зависит от конкретной конфигурации противоборствующих блоков, изменение которой приводит к серьезным изменениям группового спроса и предложения и соответствующим ценовым изменениям. Так, по некоторым оценкам, если бы Южная Африка, производящая треть мирового марганца, перешла в блок «США–Европа+», то его цена в блоке «Китай–Россия+» могла бы возрасти более чем на 800%⁷³.

Потери связаны и с ответными мерами на санкции, например в виде ограничений и усиления контроля Китая за экспортом редкоземельных металлов и оксидной продукции, критически важных для полупроводниковой промышленности, которые были введены с 31 октября 2023 г. на 2 года. Такие действия стали продолжением тарифных войн, начатых в 2018 г. Д. Трампом, за время президентства которого американские импортные тарифы выросли с 1,5 до 3%, в том числе на импорт из Китая – с 3 до 19%. В планах Д. Трампа, в случае избрания на новый президентский срок, установить универсальный 10%-ный сбор на импорт всех ввозимых в США товаров. Это приведет не только к экономическим потерям экспортеров, но и к убыткам американских потребителей, которые в результате роста цен могут потерять до 2 тыс. долл. в год в расчете на одну семью⁷⁴.

Еще одной сферой запретов станут биотехнологии. Новый закон о биозащите США предлагает расторгнуть государственные

72. Brenton P., Maliszewska M. (2022). Reshaping Global Value Chains in Light of COVID-19: Implications for Trade and Poverty Reduction in Developing Countries. Washington, DC: World Bank. <http://hdl.handle.net/10986/37032>

73. Alvarez J. et al. (2023). Geoeconomic Fragmentation and Commodity Markets. IMF. Working Papers. 3 October. No. 201. P. 28.

74. The Economist (2023). Donald Trump's second term would be a protectionist nightmare. 31 October.

контракты для фирм, считающих китайские биотехнологические компании клиентами или поставщиками.

Существуют и серьезные сопряженные потери от фрагментации, которые в первую очередь связаны с ростом глобальной напряженности и конфликтности в мире. Это вызывает небывалый рост военных расходов, замедляющих увеличение потребительских расходов. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира, за период с 2020 г. по 2023 г. военные расходы возросли на 14,4% с 2092 млрд долл. до 2394 млрд долл., причем доля 2023 г. в этом приросте составила почти половину⁷⁵. В условиях роста геополитической напряженности усиливаются риски реальных военных противостояний. Так, по расчетам Bloomberg, война из-за Тайваня может обойтись глобальной экономике в 10 трлн долл., или 10,2% мирового ВВП. Эти оценки включали возможные последствия перебоев в поставках полупроводников, возведения торговых барьеров и потрясений на финансовых рынках⁷⁶.

Конфликт в Красном море в декабре 2023 г. — январе 2024 г. затронул до 20% мировой торговли, сократив контейнерную активность в Суэцком канале на 90%⁷⁷. По данным Института мировой экономики, в Киле только в декабре 2023 г. объем мирового товарооборота снизился на 1,3%. Количество перевезенных там контейнеров сократилось более чем вдвое (с 200 до 500 тысяч) и находится почти на 70% ниже ожидаемого уровня, а время транспортировки товаров между центрами производства в Азии и европейскими потребителями увеличилось примерно на 20 дней⁷⁸.

Возросли угрозы морской торговле через Черное море, которое заполняется минами и поврежденными военными кораблями. Балтийское и Северное моря сталкиваются с теневой войной саботажа трубопроводов и кабелей. В Азии наблюдается крупнейшее наращивание военно-морской мощи со времен Второй

75. SIPRI (2024). Military Expenditure Database. DOI: 10.55163/CQGC9685.

76. Bloomberg (2024). Xi, Biden and the \$10 Trillion Cost of War Over Taiwan. 9 January. <https://www.bloomberg.com/news/features/2024-01-09/if-china-invades-taiwan-it-would-cost-world-economy-10-trillion?srnd=premium-europe&sref=cus85deZ>

77. The Economist (2024). Mayday! War stalks the world's oceans. 11 January.

78. IfW (2024). Cargo volume in the Red Sea collapses. <https://www.ifw-kiel.de/publications/news/cargo-volume-in-the-red-sea-collapses>

мировой войны в связи с ситуацией вокруг Тайваня. Это приводит к значительному росту стоимости перевозок и расходов на страхование грузов, что, в свою очередь, будет распрямлять инфляционную спираль⁷⁹.

В то же время для объективного анализа необходимо иметь в виду и положительные последствия фрагментации. К ним можно отнести рост внутриблоковой торговли, в том числе за счет ее либерализации, увеличение взаимных инвестиций, создание независимых платежных систем и новых логистических маршрутов в обход территорий, контролируемых противоборствующим блоком. С. Мирудот и Х. Нордстрем полагают, что фрагментация, укрепляя региональные цепочки стоимости, может способствовать консолидации противоборствующих блоков и их экономической интеграции⁸⁰. Первый заместитель директора-распорядителя МВФ Гита Гопинат обращает внимание на то, что не присоединившиеся ни к одному из противоборствующих блоков государства могут смягчать негативное влияние фрагментации на свою экономику за счет перенаправления потоков торговли и инвестиций⁸¹. Эту точку зрения разделяет Генеральный секретарь ЮНКТАД Р. Гринспен, отмечая, что в результате перестройки сложившихся глобальных цепочек стоимости некоторые страны получают выгоду от инвестиций в интенсивное производство, в то время как другие изо всех сил пытаются принять в них участие⁸².

Примером создания новых глобальных цепочек является переориентация российского нефтяного экспорта в Китай и Индию. Она была выгодна как импортерам, так и российским экспортерам, которые в противном случае оказались бы в более затруднительном положении. При этом попавшая под санкции страна может предоставлять льготные условия такого сотрудничества путем снижения

79. The Economist (2024). *Mayday! War stalks the world's oceans*. 11 January.

80. *Miroudot S., Nordström H.* (2020). *Made in the World? Global Value Chains in the Midst of Rising Protectionism*. *Review of Industrial Organization*. Vol. 57. Pp. 195–222. <https://doi.org/10.1007/s11151-020-09781-z>

81. *Gopinath G. et al.* (2024). *Changing Global Linkages: A New Cold War?* IMF Working Paper 24/76. April.

82. UNCTAD (2024). *World Investment Report 2024. Investment facilitation and digital government*. 20 June. P.V.

цен, предоставления особых условий расчетов или оказания определенных дополнительных услуг.

В результате геополитической фрагментации наблюдается усиление многовекторности во внешнеэкономической политике некоторых неприсоединившихся или условно нейтральных стран. Так, Индия сообщила о самом большом увеличении экспорта за пределами своего блока – на 4% в 2018–2023 г., фактически перейдя от «неприсоединения» к «многоприсоединению»⁸³.

Bloomberg выделяет 5 стран – Вьетнам, Польшу, Мексику, Марокко и Индонезию, которые могут получить выгоды в торговле и инвестициях в условиях геополитической фрагментации благодаря своей гибкой внешнеэкономической политике, называя их «связующими звеньями» между отдельными противоборствующими блоками⁸⁴. К этим «странам-мостам» могут быть добавлены и такие государства, как Индия, Турция, ОАЭ, Грузия, Казахстан, Киргизия, Армения, ряд офшорных юрисдикций.

В экономической теории этот феномен известен как эффект «логики арбитража» (logic of arbitrage): чем жестче искусственно созданные барьеры между двумя большими и привлекательными экономическими пространствами, тем больше выгоды для игроков, которые смогут каким-то образом преодолеть эти барьеры⁸⁵. Данное понятие было заимствовано из биржевой практики, где арбитражем называется стратегия одновременной покупки и продажи активов на разных рынках с целью получения прибыли от разницы цен. Представляется, что эффект арбитража является важнейшим экономическим мотивом для проведения многовекторной политики в глобальной экономике.

Интересны попытки Х. Фернандеса-Вильяверде и соавторов оценить общее влияние геополитической фрагментации на экономический рост с использованием специального индекса фрагмента-

83. *Chuin Wei Yap* (2024). The bloc effect takes shape. 23 April. <https://www.hinrichfoundation.com/research/wp/trade-distortion-and-protectionism/the-bloc-effect-takes-shape>

84. Bloomberg (2023). These Five Countries Are Key Economic 'Connectors' in a Fragmenting World. 2 November. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-11-02/vietnam-poland-mexico-morocco-benefit-from-us-china-tensions?embedded-checkout=true>

85. *Libman A.* (2024). Dynamics of Isolation in Conditions of Fragmentation: The Results of Two Years of the Sanctions Experiment. 4 June. <https://re-russia.net/en/expertise/0160>

ции, сформированного на основе 12 различных эмпирических показателей. С его помощью на основе секторального анализа в рамках ОЭСР был сделан важный вывод, что фрагментация немедленно наносит ущерб мировой экономике, в то время как снижение фрагментации происходит лишь постепенно⁸⁶.

Таким образом, современная геополитическая фрагментация является сложным и неоднозначным процессом, для лучшего понимания которого целесообразно рассмотреть несколько ее важнейших направлений и компонентов.

2. Цена «Экономики Родины»

Геополитическая фрагментация мировой экономики усиливает тренд к самодостаточному развитию и национальному протекционизму, который проявился после глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., но приобрел особые масштабы в условиях растущей геополитической напряженности.

Ярким проявлением такой тенденции является концепция «Экономика Родины». Данное понятие появилось в специальном докладе в авторитетном журнале *The Economist*, который часто выступает неймером новых экономических терминов, становящихся впоследствии популярными.

Оценка стратегии «Экономики Родины» позволяет говорить о ее двойственном характере. С одной стороны, стратегическая автономия способствует усилению экономической ресилентности по отношению к внешним экономическим и политическим шокам, развитию высокотехнологичных отраслей национальной экономики, созданию новых рабочих мест, вовлечению в хозяйственный оборот дополнительных национальных природных ресурсов, т. е. усиливает экономическую безопасность и укрепляет конкурентные позиции в мировой экономике. Такой тренд называют политикой снижения рисков (*derisking*).

Сторонники идеи «Экономики Родины» говорят, что она позволит ослабить риски для экономики страны, связанные с капризами рынков, непредсказуемыми потрясениями, такими как панде-

86. *Fernandez-Villaverde J. et al. (2024). Are We Fragmented Yet? Measuring Geopolitical Fragmentation and its Causal Effects. 19 March. P. 23. <https://www.sas.upenn.edu/~jesusfv/Fragmentation.pdf>*

мия, или действиями геополитического оппонента. Это приведет к созданию более безопасного, справедливого и экологичного мира.

Р. Юхас и соавторы отмечают, что современная промышленная политика создаст множество победителей, от боссов фирм, получающих выплаты, до инвесторов в эти фирмы и местные районы, которые выиграют от строительства нового завода⁸⁷.

Мотивацией для новой промышленной политики, по мнению Ч. Боуна, также может служить восстановление цепочек поставок, которые были разорваны в результате перемещения национального бизнеса за рубеж, в том числе в офшоры, соображения по поддержке технологического превосходства, желание предложить будущим политикам больший контроль над экономической деятельностью, и даже стремление усилить контроль за изменением климата⁸⁸.

В некоторых работах среди теоретических обоснований поддержки промышленной политики называют внешнюю экономию за счет масштаба, при которой социальная предельная выгода от расширения производства превышает выгоду отдельных фирм, преимущества географической близости между отдельными людьми или фирмами, будущие льготы, которые перевесят совокупные затраты на реализацию политики⁸⁹.

С другой стороны, критики «Экономики Родины» считают, что важным фактором распространения подобных взглядов является снижение общественной поддержки экономической открытости в ряде стран⁹⁰. Политика национального изоляционизма часто проводится под популистскими лозунгами типа «Сделать Америку снова великой!» или «Продавайте где угодно, но производите в Индии!».

Как отмечалось в докладе *The Economist*, попытки богатых стран производить больше у себя дома лишат развивающиеся эко-

87. *Jubász R., Nathan Lane N., Rodrik D.* (2023). *The New Economics of Industrial Policy*. NBER Working Paper 31538. August. P. 35.

88. *Bown Cb.* (2023). *Modern industrial policy and the WTO*. PIIE Working Paper. December. 23–15. P. 2.

89. *Bartelme D. et al.* (2019). *The Textbook Case for Industrial Policy: Theory Meets Data*. NBER Working Paper No. 26193; *Alfaro L., Chor D.* (2023). *Global Supply Chains: The Looming “Great Relocation”*. NBER Working Paper 31661. September. DOI: 10.3386/w31661. P. 33.

90. *Georgieva K.* (2023). *Confronting Fragmentation Where It Matters Most: Trade, Debt, and Climate Action*. 16 January. <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/01/16/Confronting-fragmentation-where-it-matters-most-trade-debt-and-climate-action>

номики прибыльных работодателей. Они сократят передачу более эффективных методов управления и технологий из богатого мира в бедный. В подтверждение этого тезиса приводятся многочисленные исторические и актуальные примеры применения промышленной политики и мер национального протекционизма, на основании которых делается вывод, что правительствам трудно создавать жизнеспособные отрасли промышленности, а экономические издержки промышленной политики, как правило, высоки⁹¹.

Важно и то, что проведение такой политики требует наличия эффективных государственных институтов, проведения серьезных внутренних реформ. К ним относится макроэкономическая стабильность, нормативная и правовая определенность, инфраструктура, образование и квалификация, производительность и инновации⁹².

Кроме того, политика стратегической автономии стимулирует ответную реакцию других стран, способствуя развитию затратного производственного параллелизма, распылению и неэффективному распределению финансовых и материальных ресурсов. Связанный с такой политикой курс на импортозамещение может вести к росту внутренних цен, снижению технологического уровня и качества товаров, сдерживанию трудовой миграции и росту производственных издержек.

Не случайно, что даже на уровне терминологии существуют разные оценки «Экономики Родины». Так, сторонники для ее обозначения используют такие синонимы, как «стратегическая автономия»; «экономический суверенитет»; «самодостаточность и устойчивость развития». Критики данной стратегии говорят об экономическом национализме; протекционизме 2.0; изоляционизме и опоре на собственные силы.

Необходимо отметить, что активное вмешательство государства в структурные преобразования, связанные с развитием промышленности, имеют свою историю. Теоретические подходы к изучению промышленной политики изложили А. Харрисон

91. The Economist (2023). New industrial policies will make the world more unequal. 2 October.

92. Canuto O., Lin J. Y., Zhang P. (2022). Geopoliticized Industrial Policy Won't Work. Policy Centre for the New South, 3 March. <https://www.policycenter.ma/index.php/publications/geopoliticized-industrial-policy-wont-work>

и А. Родригес-Клэр, которые определили ее как отклонения от политики нейтралитета⁹³, что значительно расширяет исторические границы применения данного понятия.

В то же время многие авторы считают начальным этапом промышленной политики 1960-е годы⁹⁴, хотя с полным основанием его можно отнести еще к индустриализации в СССР в 1930-е годы, индустриализации стран народной демократии и стран Латинской Америки в 1950-е годы. Селективная промышленная политика в 1960–1970-е годы обеспечила быстрый прорыв в экономическом и технологическом развитии Японии, Республики Корея, Малайзии, Сингапура, Тайваня и ряда других государств.

В современных условиях крупные экономики мира (США, Китай, Европейский союз, Индия, Япония, Южная Корея и некоторые другие) стали вводить новую промышленную политику и усилили экспортный контроль для защиты национальной безопасности и своих экономических преимуществ.

Особенностью новой промышленной политики является ее масштабный характер, так как она охватила крупные мировые регионы, в которых проживает более 85% населения планеты и более 80% ее экономического потенциала. Другой отличительной чертой новой промышленной политики является то, что ее ведущим драйвером стала 4-я промышленная революция, предоставившая невиданные ранее возможности для повышения производительности и эффективности общественного производства. Именно разработку программ по умной реиндустриализации на основе наукоемких технологий, которые стали осуществляться с начала 2010-х годов, следует считать стартом новой промышленной политики⁹⁵. В частности, было подготовлено более 20 таких программ, среди которых можно отметить «Индустрия 4.0» (2010 г.) в Германии, «Новая промышленная Франция» (2013 г.), «Сделать в Индии» (2014 г.), «Сделано

93. *Harrison A., Rodríguez-Clare A. (2009). Trade, Foreign Investment, and Industrial Policy for Developing Countries. NBER Working Paper 15261. DOI: 10.3386/w15261.*

94. *Baldwin R.E. (1969). The Case against Infant-Industry Tariff Protection. Journal of Political Economy. Vol. 77. No 3. P. 295–305; Storm S. (2017). The Political Economy of Industrialization. Development and Change. Vol. 48. No. 6. DOI: 10.1111/dech.12281; Симачёв Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г. (2022). Новые контуры промышленной политики. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».*

95. *Yang F., Gu S. (2021). Industry 4.0, a revolution that requires technology and national strategies. Complex & Intelligent Systems. Vol. 7. Pp. 1311–1325. DOI: 10.1007/s40747-020-00267-9.*

в Китае до 2025 г.» (2015 г.), «Новая промышленная стратегия ЕС» (2020 г.), «План “Сделано в Канаде”» (2023), «Будущее, созданное в Австралии» (2023 г.), «Новая промышленность Бразилии» (2023).

Еще одной причиной усиления внимания к промышленной политике стало разворачивание масштабного торгово-технологического противостояния США и Китая. Оно было вызвано экономическим возвышением Китая, о чем можно судить по впечатляющему росту добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности Китая, США и ЕС (рис. 9). Китай стал важнейшим игроком и конкурентом в глобальной экономике, бросившим вызов длительной гегемонии американских и европейских компаний.

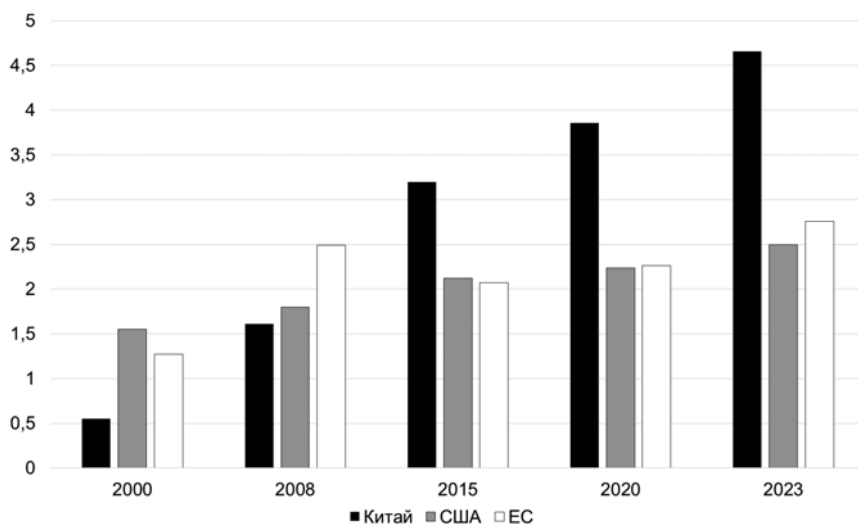

Рис. 9. Рост объема добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности Китая, США и ЕС, трлн долл.

Источник: World Bank (2024). Manufacturing, value added (current US\$). <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD>

Как отмечает Ч. Боун, Соединенные Штаты мотивировали использование промышленной политики в различных секторах — от полупроводников до электромобилей — частично как реакция на политику Китая⁹⁶. Подобные мотивы играли важную роль и в принятии новой промышленной политики ЕС.

96. Bown Cb. (2023). Modern industrial policy and the WTO. December. PIIE. Working Paper 23–15.

Наконец, серьезнейшим вызовом для возрождения промышленной политики стала пандемия COVID-19 в 2020 г., приведшая к коллапсу ряда отраслей и дезорганизации многих сложившихся производственных цепочек, и вооруженный российско-украинский конфликт 2022–2024 г., вызвавший невиданный размах санкций со всеми вытекающими из них негативными экономическими последствиями.

Интенсификацию промышленной политики в мире иллюстрирует рис. 10, показывающий, что за 2020–2022 гг. зафиксировано 4014 мер государственного финансового стимулирования развития важнейших отраслей экономики, в то время как за предыдущие 10 лет их было в 1,6 раза меньше (2458).

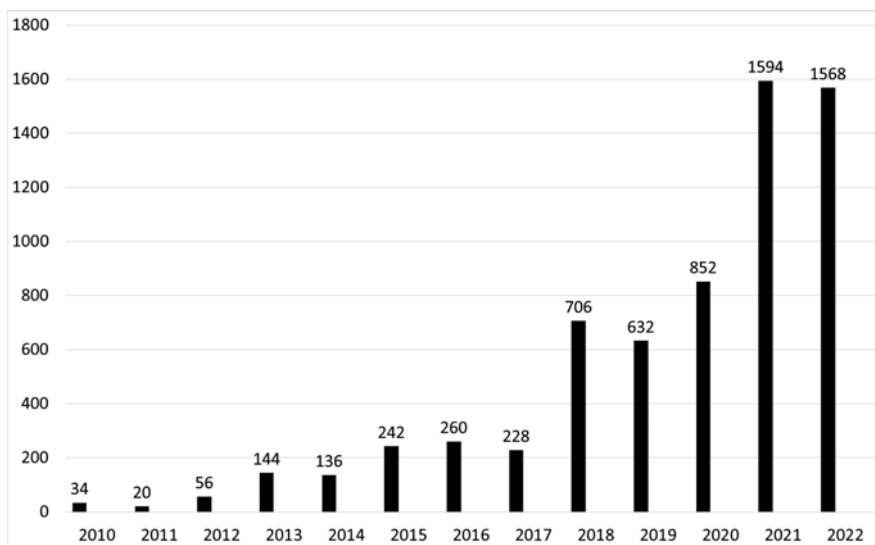

Рис. 10. Количество государственных субсидий и других финансовых трансфертов в стратегические отрасли в мире

Источник: *Jubász R., Nathan Lane N., Rodrik D. (2023). The New Economics of Industrial Policy. NBER Working Paper 31538. August. P. 37. DOI: 10.3386/w31538.*

Субсидии стали наиболее распространенной формой государственного вмешательства после финансового кризиса 2008 г., превзойдя такие меры, как тарифы и другие нетарифные меры. В 2009–2021 гг. на них приходилась почти половина всех зарегистрированных мер (рис. 11).

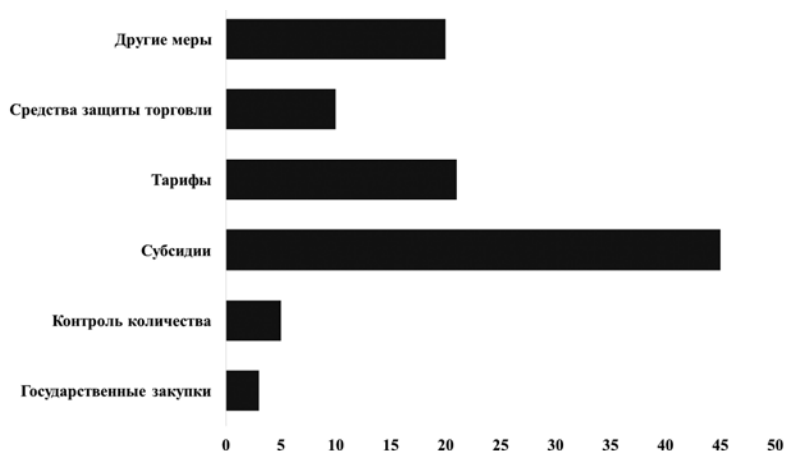

Рис. 11. Государственная политика по типам мер вмешательства, 2009–2021 гг., %

Источник: IMF, OECD, World Bank, WTO (2022). Subsidies, Trade, and International Cooperation P. 8. https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/repintcoosub22_e.pdf

При этом наблюдается более быстрый рост субсидий в государствах с развивающимися рынками, которые стремятся таким образом укреплять свою международную конкурентоспособность, о чем свидетельствует анализ промышленной политики стран G20 (рис. 12).

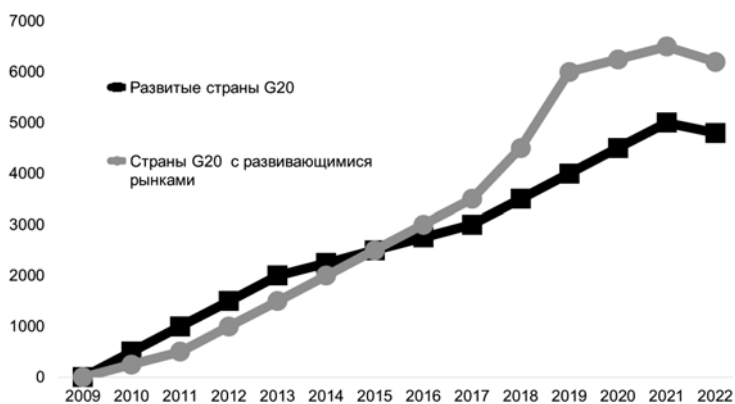

Рис. 12. Число предоставленных субсидий в развитых странах и странах с развивающимися рынками, являющихся членами G20

Источник: IMF (2024). World Economic Outlook. April. P. 104.

Важной особенностью современной политики стратегической автономии является ее открытость по отношению к притоку ПИИ, вместе с которыми приходят новые зарубежные технологии. Об этом можно судить по рис. 13, отражающему соотношение принятых более благоприятных и менее благоприятных мер в отношении ПИИ, где убедительно выражен приоритет политики стимулирования иностранного бизнеса, что принципиально отличается от картины опережающего роста торговых ограничений, которая будет показана далее на рис. 16.

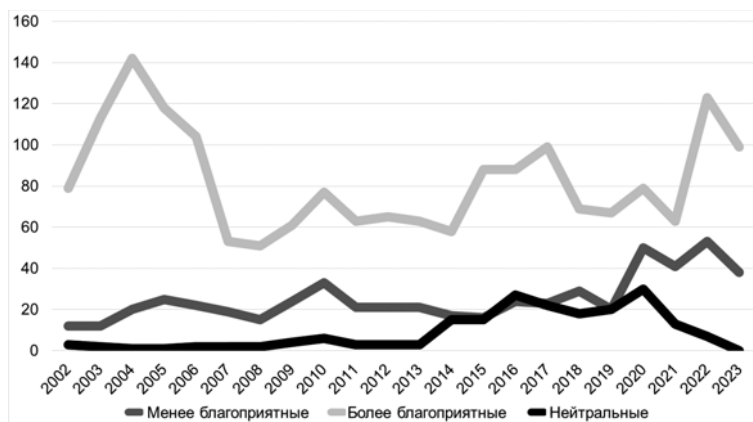

Рис. 13. Изменения в национальной политике по регулированию ПИИ, число мер

Источник: UNCTAD (2024). World Investment report 2024. Investment facilitation and digital government. 20 June. P. 3.

Другой особенностью современной промышленной политики является стремление максимально ограничить зависимость национального военно-промышленного комплекса от внешних поставок. Например, в 2020–2022 гг. Министерством обороны Индии в рамках реализации концепции «Самодостаточной Индии» (Атманирбхара Бхарата) было разработано 3 списка вооружений, подлежащих импортозамещению. Они включают 310 наименований систем, закупки которых за рубежом будут поэтапно прекращены в течение пяти лет⁹⁷.

97. Ministry of Defence (2022). Landmark policy decision to indigenise 101 more weapons and platforms to speed up 'Aatmanirbharta' in Defence. <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1814446>

Значительно активизировалась за последние 5 лет государственная промышленная политика в США. Так, еще во времена COVID-19, для того чтобы увеличить внутреннее производство медицинских товаров, расходных материалов и другой продукции первой необходимости, Д. Трамп объявил о выделении кредита в 765 млн долл. компании Kodak на новое для нее производство ингредиентов непатентованных лекарств⁹⁸. В 2022 г. в США были приняты масштабные меры экономического стимулирования. Среди них: Закон об инфраструктуре – 1,2 трлн долл. в течение 10 лет на дороги, мосты и кабели для новой энергетики; Закон о полупроводниках – 280 млрд долл. для увеличения производства полупроводников в Америке; Закон о снижении инфляции – 370 млрд долл. в виде прямых субсидий и налоговых льгот в сектора, связанные с декарбонизацией. В целом общий объем субсидий (почти 2 трлн долл.) примерно в 2 раза превышает соответствующие показатели в предпандемическое десятилетие.

В частности, закон о снижении инфляции США предоставляет налоговую скидку в размере 7500 долл. для электромобилей, собранных в Северной Америке (включая Канаду и Мексику), которые не содержат аккумуляторов или важнейших минералов, произведенных иностранными организациями. США намерены стимулировать инновации в биотехнологии, выделив на эти цели 2 млрд долл. финансирования⁹⁹. При этом субсидии предоставляются как американским, так и иностранным фирмам. Например, уже в 2024 г. были выделены субсидии тайваньской TSMC в размере 6,6 млрд долл. на строительство трех новых фабрик в Аризоне и 6,4 млрд долл. южнокорейской Samsung на строительство заводов в Техасе.

Огромные субсидии для реализации целей своей промышленной политики выделяет китайское правительство, которое стремится превратить Китай в передовую экономическую и технологическую супердержаву. Еще в 2015 г. в программе «Сделано в Китае до 2025 г.» были сформулированы важнейшие цели снижения зависимости от иностранных технологий и замещения импортных товаров внутренним производством (рис. 14).

98. Hufbauer G., Jung E. (2020). Industrial Policy makes a Comeback. 16 August. <https://www.piie.com/commentary/op-eds/2020/industrial-policy-makes-comeback>

99. Varadarajan R. et al. (2023). The Unwinding of Global Tech Supply Chains. <https://www.bcg.com/publications/2023/the-unwinding-of-global-tech-supply-chains>

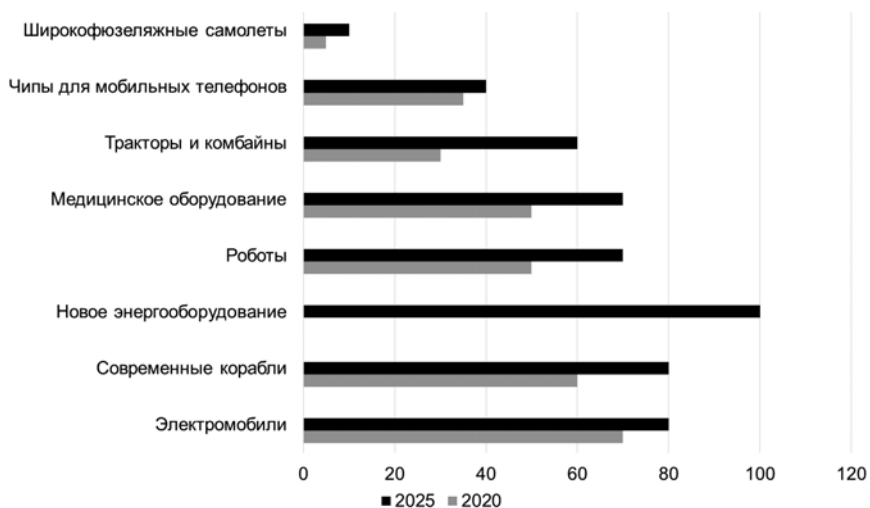

Рис. 14. Цели для изменения структуры потребления отдельных товаров на внутреннем рынке программы «Сделано в Китае до 2025 г.», %

Источник: Zhang K. H. (2023) U.S.-China Economic Links and Technological Decoupling. *The Chinese Economy*. Vol. 56. No. 1. P. 7. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399.

Китай в 2020 г. провозгласил одной из важнейших целей долгосрочного развития «стратегию двойной циркуляции», задачей которой является перенос центра тяжести экономической политики с «внешней циркуляции» на «внутреннюю циркуляцию». Китай заявил об усилении приоритетов внутренней экономики путем расширения и удовлетворения внутреннего спроса, а также о необходимости сделать собственную экономику более устойчивой к внешним шокам.

Важнейшую роль в достижении данных целей играет промышленная политика, в рамках которой общий объем прямых государственных субсидий китайским публичным компаниям с 2007 г. по 2018 г. увеличился более чем в семь раз — с 4 млрд долл. до 29 млрд долл. С момента создания Китаем фондов государственной поддержки в 2012 г. финансовая помощь госпредприятиям увеличилась с 7,9 млрд долл. до примерно 418 млрд долл. в 2016 г., а в 2022 г. достигла 850 млрд долл.¹⁰⁰

100. Фризенбихлер К., Кюглер А., Райншталлер А. (2024). Китай и ЕС: переворот в конкуренции. 19 февраля. <https://econs.online/articles/opinions/kitay-i-es-perevorot-v-konkurentsii>

Поставив грандиозную задачу стать мировой супердержавой в области инноваций к 2050 г., Китай стремится к достижению технологической самостоятельности и независимости от зарубежных технологий. Достижение этой цели будет осуществляться как путем модернизации существующих промышленных систем, так и благодаря развитию «производительных сил нового качества»¹⁰¹. Проведение такой промышленной политики требует концентрации усилий на высокопроизводительных технологических отраслях, таких как искусственный интеллект и цифровые услуги, биомоделирование, а также на развитии зеленой энергетики. За последнее десятилетие Китай уже предоставил своим производителям около 150 млрд долл. субсидий на производство чипов. Государство присутствует во всей цепочке поставок полупроводников в стране, а крупнейшие их производители — SMIC и AMEC — частично принадлежат государству. В декабре 2023 г. импорт Китаем литографических машин, используемых для нанесения схем на кремниевые пластины, вырос на 450% по сравнению с предыдущим годом, поскольку местные производители микросхем смогли закупить их у лидера голландского рынка ASML, до того как в январе 2024 г. вступили в силу экспортные ограничения Нидерландов¹⁰².

Стимулирование развития приоритетных отраслей экономики получает развитие и во многих новых индустриальных государствах. Так, Индия предоставляет налоговые льготы для производства компьютеров, ракет и других высокотехнологичных продуктов. В 2023 г. такие субсидии, по оценкам, обойдутся в 45 млрд долл., или 1,2% от ВВП по сравнению с 8 млрд долл. в 2020 г. Малайзия предлагает раздаточные материалы фирмам, которые внедряют облачные вычисления, и помогает покрыть расходы на заводы, созданные в стране. Кения строит пять безналоговых индустриальных парков, которые будут готовы к 2030 г.¹⁰³

Важным направлением политики стратегической автономии развитых стран стал решоринг, который предполагает стимулирование возвращения национального бизнеса из зарубежных юрис-

101. The Economist (2024). How Xi Jinping plans to overtake America. 31 March.

102. The Economist (2024). China is quietly reducing its reliance on foreign chip technology. 13 February.

103. The Economist (2024). The race to become the next economic superpower. 1 January.

дикций, в том числе низконалоговых, в «родную гавань». Среди обоснований решоринга доминируют политические соображения, которые подкрепляются экономическими мотивами — создание дополнительных рабочих мест, новые инвестиции, развитие депрессивных регионов, меньшее финансирование (ставки по кредитам, страхованию, таможенные платежи), экономия на логистике, устойчивость поставок и минимизация внешних шоков. Так, в США в 2010–2023 гг. в результате решоринга было объявлено о создании почти 2 млн новых рабочих мест, причем почти половина из них пришлось на последние 3 года (рис. 15).

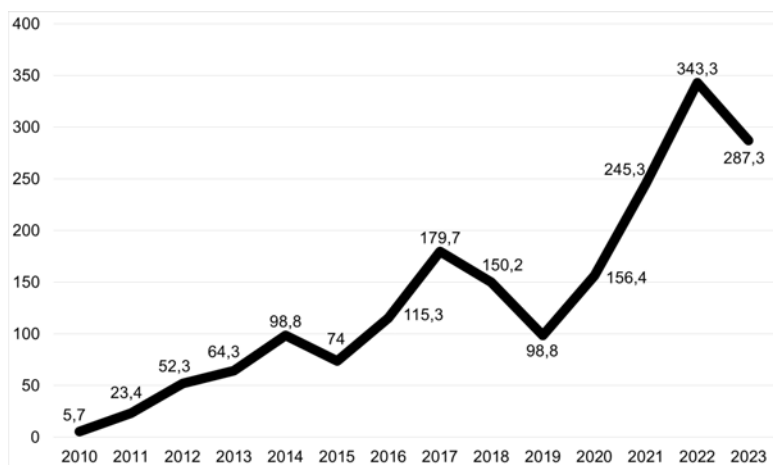

Рис. 15. Количество объявленных новых рабочих мест в обрабатывающей промышленности США благодаря решорингу, тыс. мест

Источник: Reshoring Initiative (2023). Annual Report. P. 6. <https://reshorenw.org/July-8-2024>

Решоринг приводит к резкому росту активности в сфере промышленного строительства. Компании инвестируют в производственные мощности в США более высокими темпами, чем в любой другой тип недвижимости. По данным Бюро переписи населения США, в 2022 г. такие расходы выросли до 114,7 млрд долл. в год, что на 40% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и на 62% больше, чем в среднем за последние пять лет¹⁰⁴.

104. McLaughlin E., Peterson D. (2023). A Reshoring Renaissance Is Underway. 2 November. <https://sloanreview.mit.edu/article/a-reshoring-renaissance-is-underway>

Более $\frac{2}{5}$ всех компаний, объявивших в 2023 г. о решоринге, являются высокотехнологичными, на них приходится 65% всех новых рабочих мест. По оценкам предпринимателей, от 20 до 30% того, что сейчас импортируется из Китая, может быть получено внутри страны с такой же или большей рентабельностью¹⁰⁵.

Кроме того, автоматизация производства, искусственный интеллект, цифровые, энергосберегающие технологии, новые материалы и виды энергии, 3D-принтеры и другие передовые технологии ведут к уменьшению зависимости от затрат на труд, энергию и сырье. А прогресс всех видов коммуникаций позволяет выстраивать новые цепочки стоимости, позволяющие организовать эффективное и более гибкое производство даже при удлинившихся маршрутах поставок из-за решоринга.

Одним из вариантов решоринга является ниашоринг — перенос бизнеса в соседние (близкорасположенные) юрисдикции, прежде всего геополитически близкие. Например, для американских компаний это прежде всего будет Мексика. Предпочтением ниашоринга по сравнению с чистым решорингом могут быть такие экономические интересы, как более благоприятный по сравнению с американским налоговый режим, сокращение затрат на производство и логистику, получение новых рынков. Государство также заинтересовано в ниашоринге, который сдерживает иммиграцию в США и сокращает геополитические риски, укрепляя дружеские отношения с соседями.

Для развитых европейских стран ведущим направлением ниашоринга становятся страны Восточной Европы — Польша, Чехия, Румыния. Перенос технологичного бизнеса в эти юрисдикции позволяет не только найти дефицитную квалифицированную рабочую силу, но и уменьшить затраты на 1 занятого не менее чем на 40% в год благодаря более низкой заработной плате и местным стимулам для ПИИ¹⁰⁶.

Поскольку некоторые развивающиеся страны в отличие от развитых государств не обладают большими ресурсами для развития национальной промышленности, они стали использовать

105. Reshoring Initiative (2023). Annual Report. P. 20, 31. https://reshorennow.org/content/pdf/Reshoring_Initiative_2023_Annual_Report.pdf

106. BRAINHAB (2024). Nearshoring in Eastern Europe. <https://brainhub.eu/library/nearshoring-eastern-europe-top-locations#top-5-eastern-europe-nearshoring-software-development-locations>

стратегии ограничения на экспорт своих дефицитных на мировом рынке ресурсов, особенно обеспечивающие переход к «зеленой» экономике, с целью организации их собственной переработки. Так, Индонезия с 2020 г. запретила экспорт бокситов и никеля (7 и 22% всех мировых поставок)¹⁰⁷. Свою литиевую промышленность национализировала Боливия (почти 24% мировых запасов лития), которая будет развивать ее с участием консорциума китайских инвесторов. О получении государственного контроля идут дискуссии в Чили и Аргентине — двух других крупнейших производителей лития.

Такая же политика в условиях роста санкционного давления США, прежде всего запретов на импорт чипов и другой высокотехнологичной продукции, активизировалась и Китаем, который ввел экспортный контроль над галлием и германием. Китай производит 98% мирового объема необработанного галлия, ключевого ингредиента передовых военных технологий. В октябре 2023 г. Китай также объявил об ограничениях на экспорт графита, еще одного важного компонента литиевых аккумуляторов.

В то же время с субсидиями и другими льготами связаны и многие негативные последствия. Так, субсидии не ведут напрямую к росту затрат на исследования и разработки, на подготовку высококвалифицированных кадров, они могут усиливать недобросовестную конкуренцию на внутреннем рынке, иногда позволяя выживать неэффективным фирмам, снижая конкурентоспособность всей экономики, способствуют увеличению импорта комплектующих, так как импортозамещение часто касается только конечной продукции¹⁰⁸.

Кроме того, наблюдается закономерность обратной реакции внешнеторговых партнеров на политику субсидирования. Данные по Китаю, Европейскому союзу и Соединенным Штатам показывают, что в среднем с вероятностью 73,8% субсидия на конкретный продукт одной крупной экономикой будет встречена субсидией на тот же продукт другим государством в течение одного года¹⁰⁹.

107. The Economist (2024). The race to become the next economic superpower. 1 January.

108. The Economist (2023). “Homeland economics” will make the world poorer. 2 October. <https://www.economist.com/special-report/2023/10/02/homeland-economics-will-make-the-world-poorer>

109. Evenett S. et al. (2024). The Return of Industrial Policy in Data. IMF Working Papers. No. 2024/001. 24 January. P. 5.

В связи с возрастанием политического влияния на экономическое развитие авторитетная международная организация Global Trade Alert (ГТА) на своем официальном сайте с 2023 г. ввела специальную рубрику «Обзор новой индустриальной политики» и стала проводить мониторинг ландшафта глобальной геэкономической политики, где фиксируются соответствующие объявленные или реализованные государственные меры, которые выходят за рамки традиционной базы данных ГТА. Они касаются новых моделей политического вмешательства, связанных с эволюцией и последствиями промышленной политики.

ВАЖНЕЙШИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ

1. Торговая фрагментация

Подавляющее большинство исследований, анализирующих современную геополитическую фрагментацию, приоритетное внимание уделяет ее внешнеторговой составляющей, в которой отражаются и другие направления фрагментации.

Предпосылки торговой фрагментации накапливались в течение последних 15 лет, однако в 2020 г. в связи с COVID-19 и особенно в 2022–2023 гг. в связи с обострением международной напряженности эти процессы заметно усилились. Немаловажную роль в этом сыграло ужесточение регулирования мировой торговли. Всего в 2009–2023 гг. было принято в 4 раза больше ограничительных, чем либерализационных мер регулирования (1895 и 472 соответственно), причем почти вертикальный взлет ограничений зафиксирован в 2023 г. (рис 16).

Среди стран, наиболее затронутых торговыми ограничениями, оказались Китай, США и государства Евросоюза, Республика Корея и Индия (рис. 17).

Ш. Акопян и соавторы выделяют 3 основных фактора, определяющих влияние торговой фрагментации на экономическое развитие стран. Во-первых, это размер рынка, так как любой рост торговых барьеров приводит к большим потерям благосостояния для небольших экономик, которые, как правило, больше полагаются на международную торговлю. Второй фактор – сравнительные преимущества, поэтому страны, не обладающие такими преимуще-

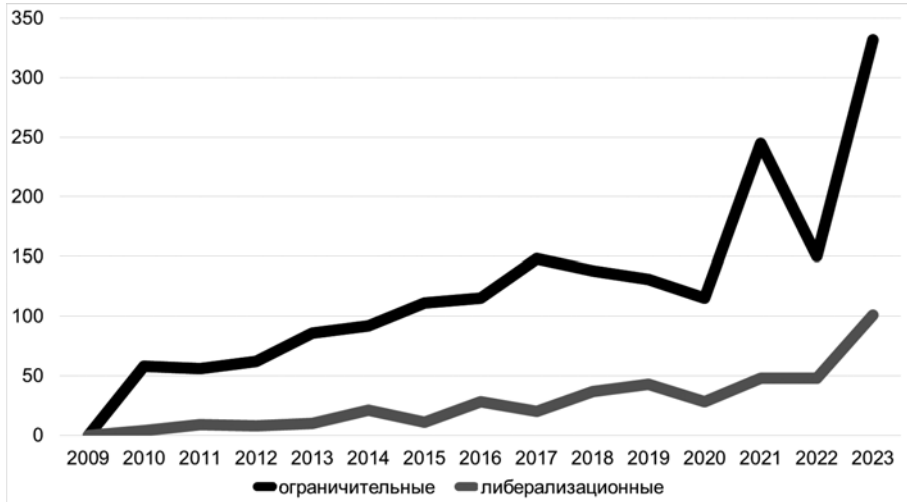

Рис. 16. Количество принятых мер регулирования в год в мировой торговле в 2009–2023 гг.

Источник: База данных GTA (2024). https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/day-to_0131/flow_all

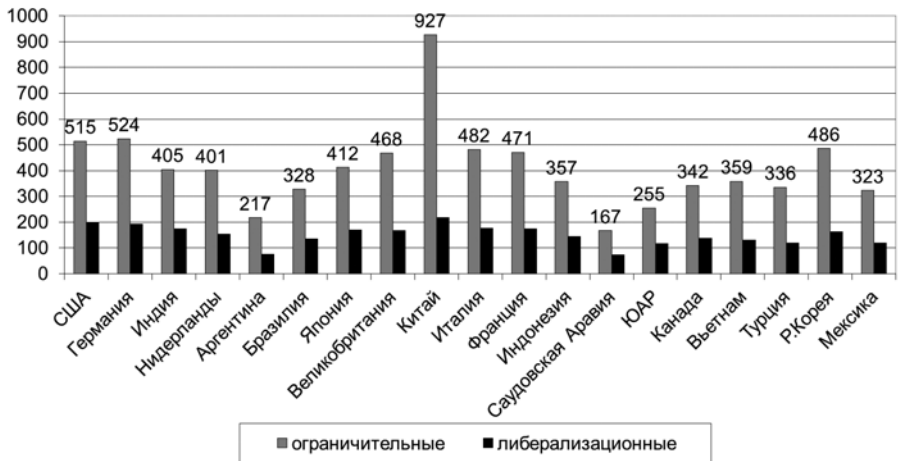

Рис. 17. Количество регуляторных мер во внешнеэкономической политике, принятых в отношении отдельных стран с ноября 2008 г. до января 2024 г.

Источник: База данных GTA (2024). https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/day-to_0131/flow_all

ствами, несут большие потери. Третий фактор – уже существующие геополитические блоки. Экономики, которые тесно связаны с некоторыми из крупных экономик, меньше страдают от фрагментации, чем экономики, которые геополитически удалены от всех центров мировой экономики¹¹⁰.

Об усилении влияния геополитической фрагментации на мировую торговлю свидетельствует более быстрый рост в 2021–2022 гг. внутриблоковой торговли, чем торговли между странами из противостоящих геополитических блоков (рис. 18).

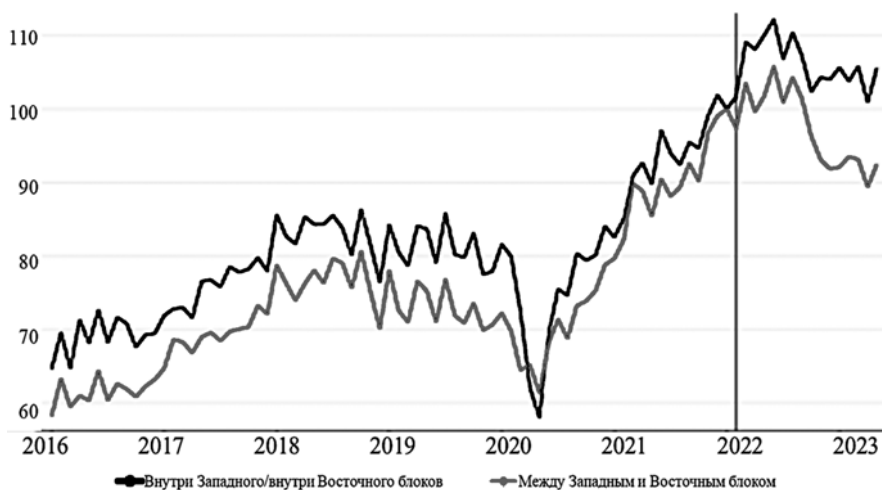

Рис. 18. Динамика торговли внутри и вне гипотетических Западного и Восточного блоков, %

Источник: *Blanga-Gubbay M., Rubínová S. (2023). Is The Global Economy Fragmenting? WTO Staff Working Paper: Research ERSD-2023-10. 5 December. P. 3.*

По оценкам экспертов Фонда Хинриха, страны все больше и больше торгуют со своими геополитическими союзниками. Этот сдвиг составил почти 270 млрд долл., перенаправленных на торговлю внутри блоков в 2023 г. по сравнению с 2018 г.¹¹¹

110. *Hakobyan Sb., Meleshchuk S., Zymek R. (2023). Divided We Fall: Differential Exposure to Geopolitical Fragmentation in Trade. IMF. Working Paper N. WP/23/270. December. P. 5–6.*

111. *Chuin Wei Yap (2024). The bloc effect takes shape. 23 April. <https://www.hinrichfoundation.com/research/wp/trade-distortion-and-protectionism/the-bloc-effect-takes-shape>*

Одним из ярких проявлений геополитической фрагментации в торговле является политика френдшоринга, которая подразумевает, что вместо соображений экономической эффективности и рыночных сигналов на первый план выходят принципы, прописанные политиками¹¹². Как метафорично замечают эксперты McKinsey, френдшоринг, сокращая круг торговых партнеров, обязывает страны «класть яйца в меньшее количество корзин»¹¹³. От политики френдшоринга сеть глобальных торговых потоков будет смещаться в сторону тесных групп «друзей», которые будут порождать победителей и проигравших в ущерб общей эффективности¹¹⁴.

Френдшоринг, например, дает дополнительный импульс для постепенной переориентации торговых потоков ЕС и США на страны АСЕАН, Индию и Мексику. Доля Китая в импорте товаров США в 2017–2023 гг. сократилась почти на 8% (с 22 до 14%). Некоторые американские источники поставок были частично перераспределены на другие страны-посредники, что привело к удлинению цепочек поставок и к вероятным потерям в эффективности¹¹⁵. В 2017–2023 гг. в импорте США доля Мексики увеличилась с 13,1 до 15,1%, Вьетнама – с 1,6 до 3,7%, Индии – с 2,1 до 2,8%, Тайваня – с 1,8 до 2,8%, Ирландии – с 2,0 до 2,6%. При этом товарный экспорт из Мексики в США в 2023 г. превзошел экспорт Китая¹¹⁶.

При этом необходимо учитывать удаленность от США главных геополитических партнеров. Например, менее 5% мирового ВВП генерируется странами, расположенными в пределах географического расстояния в 5000 км от США. В среднем торговый путь у США составляет почти 7200 км, по сравнению с 6600 км для торговли Китая и средним глобальным показателем географической дистанции – менее 5200 км¹¹⁷.

112. Лисоволик Я. (2023). Новая парадигма: френдшоринг. 17 февраля. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-paradigma-frendshoring/?sphrase_id=96218729

113. Seong J. et al. (2024). Geopolitics and the geometry of global trade. 17 January.

114. Jakubik A., Ruta M. (2023). Trading with Friends in Uncertain Times. IMF Working Paper 23/124. June. P. 11.

115. IMF (2024). World Economic Outlook. April. P. 24.

116. ITC TRADE MAP (2024). https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c842%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c2%7c4%7c1%7c1

117. Seong J. et al. (2024). Geopolitics and the geometry of global trade. 17 January.

Еще нагляднее иллюстрирует влияние геополитической фрагментации изменение географической структуры импорта и экспорта России, подвергшейся мощнейшим западным санкциям в 2022–2024 гг., где существенно сократилась доля развитых стран и возрос удельный вес Китая и нейтральных стран (рис. 19).

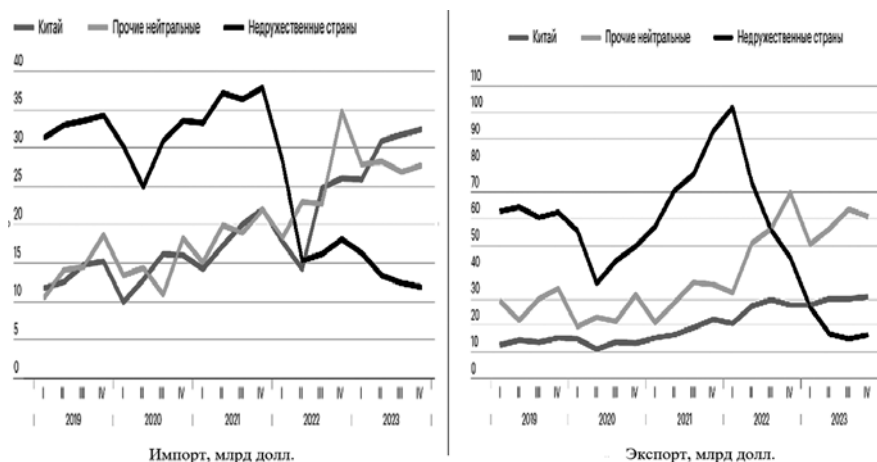

Рис. 19. Изменение направленности российской внешней торговли в 2019–2023 гг.

Источник: Кнобель А., Фиранчук А. (2024). Переориентация внешней торговли России: шесть основных выводов. 24 февраля. <https://econs.online/articles/opinions/pereorientatsiya-vneshney-torgovli-rossii-shest-osnovnykh-vivodov>

В 2023 г. доля дружественных стран во внешней торговле России составила более 75%¹¹⁸. В частности, в 2019–2023 гг. в российском импорте значительно увеличилась доля Китая — с 27 до 45%, а развитых стран снизилась с 47 до 17%. В экспорте доля «недружественных» рынков сбыта также снизилась — с 57 до 15%, а Китая — возросла с 13 до 28%¹¹⁹. Импортная зависимость России от Китая, вероятно, еще более существенна, если иметь в виду товарные потоки, осуществляемые по каналам параллельного импорта

118. ТАСС (2024). Доля дружественных стран во внешней торговле РФ в 2023 году составила 75%. <https://tass.ru/ekonomika/19885953>

119. Кнобель А., Фиранчук А. (2024). Переориентация внешней торговли России: шесть основных выводов. 24 февраля. <https://econs.online/articles/opinions/pereorientatsiya-vneshney-torgovli-rossii-shest-osnovnykh-vivodov/>

через «страны-мосты». Так, доля России в 2019–2023 гг. в экспорте Армении возросла с 27,4 до 40,4%, Кыргызстана – с 13,8 до 22,6%, Узбекистана – с 14,4 до 17,0%, Казахстана – с 9,7 до 12,4%, Турции – с 2,3 до 4,3%¹²⁰.

По оценке ЕБРР, от распространения практики френдшоринга экономических выгод не получает ни одна страна – за счет роста издержек все несут потери, в совокупности достигающие 4,6% глобального ВВП, или порядка 4,6 трлн долл.¹²¹

К подобным выводам относительно негативных эффектов френдшоринга пришли эксперты СЕПР, использовавшие в своем анализе модели общего равновесия. Во-первых, в среднесрочной перспективе поддержка друзей вредна для большинства стран и, как правило, приводит к реальным потерям производства во всем мире и увеличению торговых издержек до 20%. Во-вторых, только страны, которым удастся остаться неприсоединившимися, могут увидеть реальный прирост производства, но этот прирост намного меньше, чем потери, понесенные другими странами, и не гарантированы. В-третьих, экономические издержки поддержки друзей выше, чем экономические издержки санкций¹²².

Для оценки влияния фрагментации и френдшоринга на географию внешнеэкономических связей используются 2 понятия – географического расстояния и геополитического расстояния. Под геополитическим расстоянием, или геополитической близостью (*geopolitical distance*, или *geopolitical closeness*), понимается степень внешнеполитической, экономической, идеологической или иной близости или удалённости между входящими в анализируемую группу государствами. В данном исследовании этот термин отражает направленность торгового и инвестиционного взаимодействия со странами, которые условно можно отнести к тому или иному дружественному геополитическому блоку. В то время как геогра-

120. ITC TRADE MAP (2024). https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c860%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c2%7c4%7c1%7c1

121. EBRD (2022). EBRD Transition Report 2022–23. 22 November. P. 70. <https://www.ebrd.com/transition-report-2022-23>

122. Javorcik B. et al. (2023). Economic costs of friend-shoring. *Geoeconomic Fragmentation. The Economic Risks from a Fractured World Economy*. Paris. CEPR PRESS. Pp. 29–38.

фическое расстояние измеряется в километрах или милях между столицами соответствующих государств.

Измерять геополитическое расстояние эксперты McKinsey Global Institute (MGI) предложили с помощью оригинальной методики, разработанной на основе систематизации протоколов голосований в Генеральной Ассамблее ООН за 17 лет (2005–2022 гг.), но только по наиболее важным глобальным проблемам (была учтена 201 резолюция, или 15% от всех принятых за этот период), т. е. использовали результаты голосования в ООН, как и упоминавшиеся выше эксперты МВФ, но опираясь на более релевантную базу данных. В результате такого анализа каждая голосующая страна получила свои баллы – от нуля до десяти. Большинство стран с развитой экономикой, включая Германию, Японию, Южную Корею и США, были рейтингованы в диапазоне 0–2, в то время как Китай и Россия заняли позицию между 9 и 10. Проведенный по этой методике анализ показал, что с 2017 г. по 2023 г. Китай, Германия, Великобритания и США сократили геополитическую дистанцию своей торговли на 4–10%. Соединенные Штаты также сократили *географическое* расстояние и диверсифицировали своих торговых партнеров. Между тем экономики стран АСЕАН, Бразилии и Индии активнее торгуют как по всему геополитическому спектру, так и на больших расстояниях¹²³.

В то же время геополитическое расстояние может оказывать влияние на географическое расстояние. По расчетам экспертов МВФ, государства, расположенные в регионе, относящемся к противоборствующему блоку, сталкиваются с резким увеличением географической дистанции своей торговли. В результате Никарагуа и Боливия, отнесенные к Восточному блоку, хотя все их соседи на континенте – к Западному, несут одни из наибольших потерь благосостояния. Для Никарагуа они составляют 8,3 и 18% годового потребления в жестком и самом жестком сценарии соответственно, для Боливии – 3,1 и 5,8%¹²⁴.

123. Seong J. et al. (2024). Geopolitics and the geometry of global trade. 17 January.

124. Hakobyan Sh., Meleshchuk S., Zymek R. (2023). Divided We Fall: Differential Exposure to Geopolitical Fragmentation in Trade, December. IMF Working Paper. WP/23/270.

2. Инвестиционная фрагментация

Инвестиционная фрагментация является важнейшей частью финансовой фрагментации, которая оказывает сильное влияние на национальные и мировую экономики. Именно либерализация и интернационализация финансовой сферы в 1980–1990-е годы вызвали ускоренное развитие экономической глобализации, которую первоначально отождествляли с финансовой глобализацией. Однако после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и последующих экономических и политических потрясений, вызвавших резкое усиление геополитической фрагментации, ситуация серьезно изменилась. Как отмечают эксперты МВФ, «великая» финансовая фрагментация снижает устойчивость национальных финансовых систем, делая их более восприимчивыми к потрясениям и склонными к кризисам. Она может увеличить волатильность потоков капитала в долгосрочной перспективе и тем самым ограничивая возможности для международной диверсификации рисков и привести к большей нестабильности на внутренних финансовых рынках¹²⁵. Как и в торговой фрагментации, в инвестиционной фрагментации наиболее проигравшими являются менее развитые государства, особенно обладающие открытой к внешним связям экономикой.

Данную позицию разделяют авторы журнала *The Economist*, опубликованного 3 мая 2024 г. специального доклада «Разные миры», в 6 разделах которого рассматриваются различные аспекты влияния финансовой фрагментации на развитие мировой экономики. Одним из запоминающихся выводов этого доклада является утверждение: «какой же расточительностью было бы вместо получения преимуществ международных финансов делить мир на местечковые блоки»¹²⁶.

О все большей зависимости инвестиционных решений от геополитических факторов, часто преобладающих над экономическими детерминантами, говорят и авторы доклада ЮНКТАД «Глобальный экономический раскол и изменение моделей инвестирования»¹²⁷.

125. IMF (2023). Geopolitics and Financial Fragmentation: Implications for Macro-financial Stability. Global Financial Stability Report, April. Pp. 81–100.

126. *The Economist* (2024). Worlds apart. 3 May. <https://www.economist.com/special-report/2024/05/03>

127. UNCTAD (2024). Global economic fracturing and shifting investment patterns. A diagnostic of 10 FDI trends and their development implications 23 April.

Инвестиционная фрагментация тесно связана с торговой, хотя и имеет свою специфику. Проведенный экспертами МВФ анализ показал, что на фоне общего снижения и усиления волатильности глобальных ПИИ в последнее десятилетие происходит более быстрый рос ПИИ в дружественные страны по сравнению с географически удаленными государствами (рис. 20).

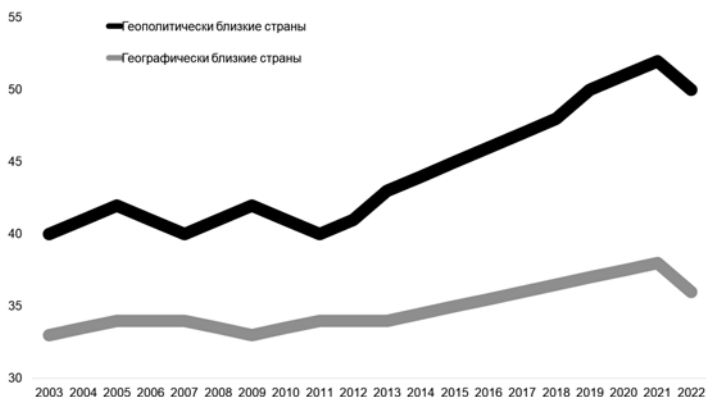

Рис. 20. Изменение удельного веса глобальных ПИИ в дружественные и недружественные страны во всех инвестициях, %

Источник: Gopinath G. (2023). Charting a Course Through Rough Seas: How Emerging Markets Can Navigate Tougher External Conditions. 01 September. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/09/01/sp090123-gita-gopinath-keynote-address-at-the-sarb-biennial-conference>

Этот вывод еще убедительнее подтверждают данные о глобальных ПИИ в новые проекты за 2013–2023 гг., которые показывают сокращение их удельного веса во всех новых ПИИ между геополитически далекими странами на 8% (с 23 до 15%)¹²⁸.

Проявлением инвестиционной фрагментации является сокращение притока ПИИ в Китай. Если в течение 2010-х годов среднегодовой приток ПИИ достигал 235 млрд долл., а в 2021 г. — 344 млрд долл., то в 2022 г. он составил 189 млрд долл., а в 2023 г. — 169 млрд долл.¹²⁹ При этом показательно, что ПИИ в новые проекты в Китае умень-

128. UNCTAD (2024). Global economic fracturing and shifting investment patterns. A diagnostic of 10 FDI trends and their development implications 23 April. P. 29.

129. UNCTAD (2024). World Investment Report. Investment facilitation and digital government. 20 June. P. 157.

шились с более чем 87 млрд долл. в 2013 г. до менее чем 18 млрд долл. в 2022 г.¹³⁰ Вывоз ПИИ из Китая также сократился с пикового значения в 196 млрд долл. в 2016 г. до 148 млрд долл. в 2023 г.

Рекордно сократился приток ПИИ в Россию, составивший в 2023 г. 8,4 млрд долл., в то время как вывод ПИИ из России был в 3,5 раза больше – 29,1 млрд долл.¹³¹

Как и в торговой фрагментации, в инвестиционной фрагментации усиливаются тенденции френдшоринга. Об этом свидетельствуют данные о переориентации внешних ПИИ США. В 2019–2023 гг. приток всех ПИИ из США в Китай упал на 3,4%, в то время как в более геополитически близкие страны увеличился – на 4% в Индию (с 7,6 до 11,6%); на 3,4% – в ОАЭ; на 2,2% – в Мексику; примерно на 1% в Малайзию, Филиппины и Вьетнам¹³².

Изменение географии ПИИ просматривается и у Китая. Хотя это произошло не только из-за усиления геополитической напряженности в мире, но и в результате замедления китайской экономики. Так, в 2022–2023 гг. по сравнению с 2020–2021 гг. сократились китайские ПИИ в Европу (на 39%) и США (19%) и возросли инвестиции в азиатские страны (на 78%), прежде всего в участницы Инициативы «Пояс и Путь» и в государства Магриба и Ближнего Востока (MENA) на 87%.

Подобные тенденции наблюдаются и в изменении направленности инвестиций Евросоюза. В 2022–2023 гг. по сравнению с 2020–2021 гг. ЕС сократил ПИИ в Китай на 18% и страны Юго-Восточной Европы и СНГ на 27%, но увеличил свои вложения в страны Магриба и Ближнего Востока на 52% и в государства Восточной Азии на 33%¹³³.

Новой угрозой финансовой стабильности стал отток капитала в результате ухода иностранных фирм из юрисдикций, которые подвергаются санкционному давлению. Помимо ухудшения инвестиционного климата отток иностранного капитала способствует

130. The Economist (2023). Xi Jinping's paranoia is making China isolated and insular. 12 February.

131. UNCTAD (2024). World Investment Report. Investment facilitation and digital government. 20 June. Pp. 156–157.

132. Hung Tran (2024). “Connector economies” and the fractured state of foreign direct investment. 22 February. <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/connector-economies-and-fractured-foreign-direct-investment>

133. UNCTAD (2024). Global economic fracturing and shifting investment patterns. A diagnostic of 10 FDI trends and their development implications. 23 April. P. 27.

ослаблению национальных валют, вызывает снижение цен на активы и порождает потенциальные корпоративные конфликты.

В то же время существует мнение, что инвестиционная фрагментация имеет ограниченный характер. Так, Дж. Тэн, используя модифицированную гравитационную модель, пришел к выводу, что инвестиционная фрагментация пока связана не с беспорядочным разрывом связей между странами, не являющимися союзниками, а с ограничениями на определенные типы ПИИ по соображениям национальной безопасности. А инвестиционный разрыв произошел только в определенных отраслях, которые имеют стратегическое значение (компьютеры, информация и связь, транспорт, а также профессиональные, научные и технические услуги), и в исходящих ПИИ США и Китая¹³⁴. Хотя вряд ли такие сдвиги можно считать несущественными, тем более наблюдаются многие другие проявления инвестиционной фрагментации, о которых говорилось выше.

Тенденции инвестиционной фрагментации, кроме ПИИ, все больше захватывают и портфельные инвестиции (рис. 21). В менее развитых странах это ведет к более высоким затратам на финансирование, а также расширению кредитования за счет внутренних ресурсов, включая денежную эмиссию.

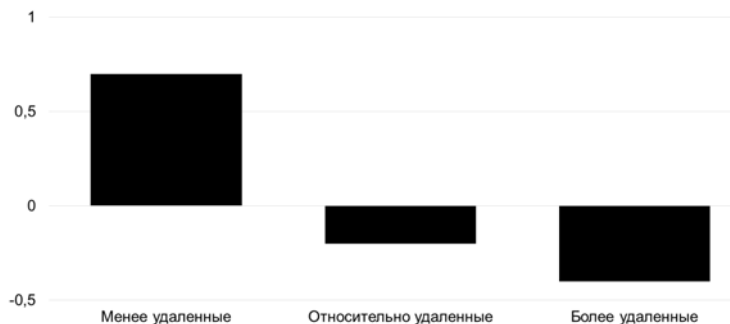

Рис. 21. Изменение структуры иностранных портфельных инвестиций в мировой экономике в 2009–2021 гг. по разным геополитическим группам стран, %

Источник: Qureshi M., Tsuruga T. (2023). Geopolitics and Financial Fragmentation: Implications for Macro-financial Stability. IMF Global Financial Stability Report. 25 April. P. 8.

134. Tan J. (2024). How Widespread is FDI Fragmentation? How Widespread is FDI Fragmentation? IMF WP/24/179. August. Pp. 69, 70.

При этом геополитическая фрагментация усиливает риски внезапного ухода иностранного капитала, прежде всего так называемого спекулятивного капитала, со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Как подчеркивается в упоминавшемся выше докладе «Разные миры», спекулятивный капитал может спровоцировать обвал цен на активы, создавая угрозы финансовой стабильности¹³⁵. Не случайно, что в прошлом именно данные процессы часто были основными причинами быстрого разрастания экономических кризисов в национальных экономиках.

3. Валютно-финансовая фрагментация

База для обострения валютно-финансовой фрагментации сложилась в прошлые десятилетия, когда сформировалась однополярная финансовая система, где существует монополистическая инфраструктура, как в банковской сфере, так и на рынке ценных бумаг¹³⁶. Как отметил Бенджамин Дж. Коэн, страны с интернационализированными валютами получают дополнительное преимущество, делая денежное соперничество неотъемлемым компонентом геополитики¹³⁷.

Валютная монополия в условиях обострения геополитической напряженности приобретает еще более губительный характер для стабильного развития мировой финансовой системы. Такая монополизация позволяет осуществлять санкционный контроль, так как финансовая сфера является лидером в использовании цифровых технологий и нейросетей, значительно усиливших прозрачность современной экономики.

Можно выделить ряд ключевых областей, где наиболее существенно проявляется усиление напряженности в международных валютно-финансовых отношениях. Кроме изменения трендов в международном движении капитала, которые были рассмотрены выше, необходимо отметить свои в трансграничных платежах, что

135. The Economist (2024). Worlds apart. Special Report. 5 May. <https://www.economist.com/special-report/2024/05/03/the-global-financial-system-is-in-danger-of-fragmenting>

136. Головин М.Ю. (2024). К чему ведет мировая экономическая фрагментация? 19 февраля. <https://freeconomy.ru/vazhnoe/k-chemu-vedet-mirovaya-ekonomicheskaya-fragmentatsiya.html>

137. Cohen B.J. (2018). Currency statecraft: Monetary rivalry and Geopolitical ambition. Chicago, London: University of Chicago Press.

сказывается на торговле и инвестициях, а также на росте вынужденной задолженности перед банками отдельных экспортеров и импортеров, не получающих соответствующих денежных переводов; увеличении стоимости межгосударственных кредитов и объема страховых резервов у банков, ухудшающихся условий внешнего финансирования; ослаблении устойчивости международного и национальных фондовых рынков и быстром росте национальных долговых обязательств и стоимости их обслуживания, грозящих развитием глобального кризиса.

Прежде всего необходимо отметить значительную асимметрию валют для межгосударственных расчетов, где доминирует Западный блок. В 2022 г. доля доллара США занимала (исходя из расчетной базы в 200%) 88% (в 2001 г. она была немного выше — 90%), евро — 31% (в 2001 г. — 38%), йены — 17%, фунта стерлингов — 13%. Для сравнения, доля юаня в 2022 г. составила 7% (в 2001 г. она была около 0%, а в 2004 г. — 2%), доля гонконгского доллара — 3%, доля национальных валют других членов БРИКС — около 6%, в том числе Индии и России — по 2%, Бразилии и ЮАР — по 1%¹³⁸. Поэтому пока скорее можно говорить об усилении борьбы стран Незападного блока за позиции среди валют второго эшелона¹³⁹.

Особенно чувствительными для торговли и инвестиций оказались санкции, ограничивающие доступ к учреждениям и инфраструктуре международных платежей. Прежде всего это сеть SWIFT, которая предоставляет участникам возможности обмениваться информацией и устанавливает стандарты обмена сообщениями¹⁴⁰.

В результате ускоряется переход на иные виды расчетов, прежде всего в национальных валютах. Однако такой переход вызвал существенное возрастание издержек международных транзакций в результате роста числа платежных агентов при осуществлении таких расчетов, увеличения размера комиссии при конвертации валют и усиления валютных рисков, так, волатильность классических конвертируемых валют ниже, чем у многих валют государств

138. BIS (2023). Turnover of OTC foreign exchange instruments, by currency. https://data.bis.org/topics/DER/tables-and-dashboards/BIS,DER_D11_3,10

139. The Economist (2024). Worlds apart. 3 May. <https://www.economist.com/special-report/2024/05/03/>

140. Cipriani M., Goldberg L., La Spada G. (2023). Financial Sanctions, SWIFT, and the Architecture of the International Payments System. Federal Reserve Bank of New York Staff Reports. No. 1047. January.

Незападного блока. Трансакционные проблемы касаются и своповых (бартерных) операций, а также использования цифровых валют (как центральных банков, так и криптовалют), причем в отношении криптовалют, кроме всего прочего, существует много законодательных препятствий.

Не случайно, что валюты Незападного блока сильно уступают классическим твердым валютам как средство накопления, что важно для устойчивости международной валюты. По данным МВФ, на 1 января 2024 г. в международных резервах доля доллара и евро суммарно составляла 78,4%, в то время как доля юаня всего 2,3% (рис. 22).

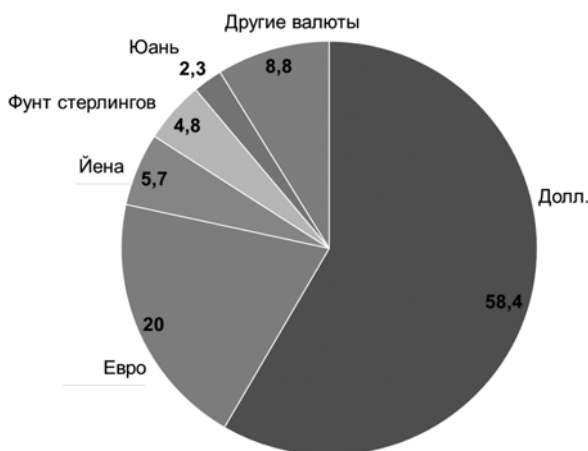

Рис. 22. Структура международных валютных резервов, 1 января 2024 г., %

Источник: IMF (2024). Currency Composition of Official Foreign Reserves. <https://data.imf.org/?sk=e6a5f467-c14b-4aa8-9f6d-5a09ec4e62a4>

Сложившаяся структура глобального управления финансами мало способствует ослаблению рисков геополитической фрагментации. Например, доля развитых экономик, все из которых входят в Западный блок, снизилась в 1980–2023 гг. в глобальном ВВП (по ППС) с 62,7 до 40,6%, а стран с формирующимися рынками и развивающихся экономик возросла с 37,3 до 59,4%¹⁴¹. В то же время

141. IMF (2024). GDP based on PPP, share of world. <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD>

в МВФ сохраняется доминирование государств Западного блока. Так, Фонд на основании анализа развития торговли и финансового рынка в период с 2017 г. по 2021г. повысил удельный вес доллара в своей корзине валют с 41,73 до 43,38%, хотя и несколько снизил доли евро — до 29,31 с 30,93%, иены — до 7,59 с 8,33%, а британского фунта до 7,44 с 8,09%. Правда, удельный вес юаня был увеличен до 12,28 с 10,92%, когда китайская валюта впервые была включена в 2016 г. в резервы МВФ. Однако это мало улучшило позиции Незападного блока. Такое же положение сохраняется и в распределении подписных квот МВФ, которые, согласно 16-му пересмотру квот (декабрь 2024 г.), хотя и увеличатся на 50% (на 320 млрд долл.), сохраняют имеющиеся пропорции отдельных стран. Это значит, что будет продолжать доминировать Западный блок (50,7%), в то время как на долю стран БРИКС в МВФ приходится 14,2% квот.

Среди тенденций, свидетельствующих о последствиях геополитической фрагментации в финансовой сфере, эксперты отмечают волатильность на мировом фондовом рынке (М.Ю. Головнин¹⁴², А. Архипов¹⁴³, Хаоян Лю, Чжаоган Сон и Дж. Викери¹⁴⁴, А. Д'Орацио, Ф. Ферриани и Андреа Газзани¹⁴⁵). Этот тренд демонстрирует индикатор волатильности — VIX, или так называемый «Индекс страха», который с середины 1990-х годов рассчитывает Чикагская опционная биржа для ожиданий инвесторов по индексу S&P 500. В течение 2020–2024 гг. наблюдается два резких всплеска индекса VIX (2020 г. и 2022–2023 гг.), за которыми последовали его не менее резкие падения и колебания (рис. 23).

Геополитическая фрагментация затрудняет сдерживание нарастающего кризиса суверенных долгов, который особенно

-
142. Головнин М.Ю. (2023). Финансовые риски для развития мировой экономики в краткосрочной перспективе // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 239. № 1. С. 365–378.
143. Arkhipov A. (2023). Fragmentation of the world financial system: evidence from stock markets. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050923008517>
144. Liu H., Song H., Vickery J. (2021). Defragmenting Markets: Evidence from Agency MBS. Working paper. 21–25 June.
145. D'Orazio A, Ferriani F., Gazzani A. (2024). Geoeconomic fragmentation and firms' financial performance. 18 March. <https://cepr.org/voxeu/columns/geoeconomic-fragmentation-and-firms-financial-performance>

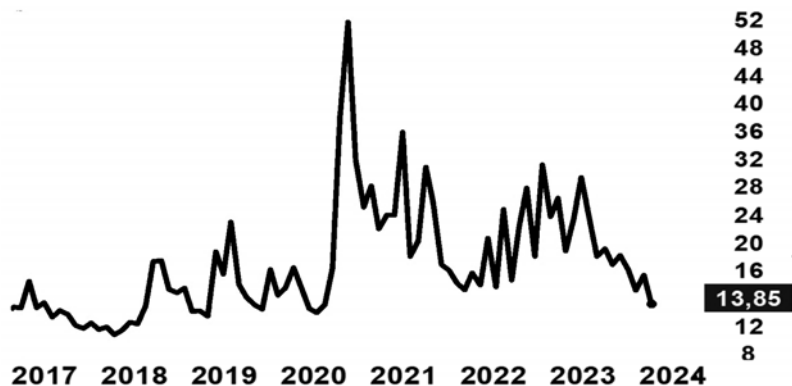

Рис. 23. Динамика индекса VIX в 2017–2023 гг.

Источник: <https://investonic.ru/indeks-volatilnosti-vix-obzor>

остро сказывается на менее развитых странах. В настоящее время около 15% стран с низкими доходами уже находятся в долговом кризисе, а еще 45% подвергаются высокому риску долгового кризиса¹⁴⁶. Однако гораздо больший вред мировой финансовой системе принесет долговой кризис в развитых экономиках, эмитирующих ведущие мировые резервные валюты.

В прошлые десятилетия сложилась организованная система урегулирования внешней задолженности развивающихся стран, испытывающих трудности с погашением своих долгов перед иностранными кредиторами. Она обеспечивалась координированной деятельностью определенного круга авторитетных международных институтов – G7, G20, МВФ, ОЭСР, Всемирного банка, а также специальных международных клубов (Парижского клуба для официальных долгов и Лондонского клуба для корпоративных долгов). Однако ситуация в этой сфере постепенно стала меняться.

Во-первых, это связано с более широким подходом к оценке долга, который кроме традиционного внешнего долга предполагает прямой или косвенный учет официальных государственных долговых обязательств в иностранной и национальной валютах, не гарантированных государством бондов и кредитных обязательств корпоративного и банковского секторов, региональной задолжен-

146. Georgieva K. (2023). The Price of Fragmentation. September/October. <https://www.foreignaffairs.com/world/price-fragmentation-global-economy-shock>

ности, задолженности домашних хозяйств. Так, во время долгового кризиса 2008–2012 гг. в тех или иных формах происходило переключивание долговых обязательств отдельных корпоративных структур на интеграционное объединение – ЕС из-за опасения катастрофического ухудшения общей экономической ситуации. По оценкам Института мировых финансов, мировой долг, в расширенном толковании, на 1 июля 2023 г. вырос до 336% глобального ВПП. Для сравнения, среднее соотношение долга к ВВП составляло 110% в 2012 г. для стран с развитой экономикой и 35% для стран с развивающейся экономикой¹⁴⁷. 2/3 мирового долга приходится на развитые страны (206,1 трлн долл.), то есть на Западный блок. На развивающиеся страны – 1/3 мирового долга (101,3 трлн долл.)¹⁴⁸. Наряду с ростом долгового навеса существенно возросла стоимость обслуживания долга из-за увеличения реальных процентных ставок в мире. Например, в Африке средняя стоимость обслуживания внешнего долга в настоящее время составляет 17% государственных доходов, что является максимальным показателем с 1999 г.¹⁴⁹

Во-вторых, возросла интернационализация долга. Растущий экономический потенциал большой группы стран с нарождающимися рынками и развивающихся стран привел к усилению интереса иностранных инвесторов к их внутренним долговым бумагам, многие из которых стали размещаться и на международных биржах. Это касается как суверенных бондов, так и корпоративных обязательств.

В-третьих, Китай стал крупнейшим двусторонним кредитором, который использовал кредиты для своей глобальной инвестиционной экспансии. Государство и китайские госкомпании к 2020 г. предоставили прямых финансовых займов и торговых кредитов на сумму порядка 1,5 трлн долл. более чем 150 государствам. Тем самым Китай превзошел таких традиционных официальных кредиторов, как Всемирный банк, МВФ или все правительства-кредиторы ОЭСР вместе взятые¹⁵⁰. Китай, не являясь членом Парижского клуба креди-

147. IIF (2023). Global Debt Monitor in Search of Sustainability. 19 September.

148. IIF (2023). Global Debt Monitor. Politics and Climate Finance in a High-Debt World. 16 November.

149. The Economist (2023). China and West take steps to ease Africa's debt crisis China and West take steps to ease Africa's debt crisis. 18 May.

150. Reinhart C.M., Trebesch C. (2020). How Much Money Does the World Owe China? <https://hbr.org/2020/02/how-much-money-does-the-world-owe-china>

торов и ОЭСР, проявляет осторожность в участии в многосторонних инициативах по облегчению бремени задолженности. Хотя формально он поддержал одобренную в 2020 г. 73 странами Инициативу по приостановке обслуживания долга (Debt Service Suspension Initiative – DSSI) в целях временного прекращения обслуживания долга беднейших стран перед официальными кредиторами, и даже расширив ее на 77 своих должников. Китай выступает за двусторонние переговоры о долге в странах, где Китайский Банк Развития (China Development Bank – CDB) является ведущим кредитором, утверждая, что это коммерческий банк, не подпадающий под действие официально скоординированного облегчения бремени задолженности¹⁵¹. По существу, как отмечают С. Хорн и соавторы, китайское правительство создало новую систему международного кредитования, которая еще не была задокументирована или изучена¹⁵².

В-четвертых, растет финансовый потенциал новых кредиторов, среди которых можно отметить Индию, ОАЭ, Саудовскую Аравию, которые применяют новые формы кредитования, никогда раньше не подвергавшиеся реструктуризации долга, такие как депонирование долларов в центральном банке получателя¹⁵³.

Поэтому долговой кризис даже в одной крупной стране, как показывает мировой опыт 2008–2009 гг., может иметь серьезные последствия для региональной и глобальной экономик. Это требует еще большей координации усилий международного сообщества в решении данной глобальной проблемы, чему не способствует геополитическая фрагментация.

4. Технологическая фрагментация

Технологическая фрагментация является самым серьезным вызовом современной геополитической фрагментации. Дело в том, что негативные последствия фрагментации в торговле, инвестициях

151. Kaplan S. (2024). Don't let geopolitics undermine Latin America's hard-won free markets. 12 February. <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/dont-let-geopolitics-undermine-latin-americas-hard-won-free-marketson't-let-geopolitics-undermine-latin-americas-hard-won-free-markets>

152. Horn S. et al. (2023). China as an International Lender of Last Resort. NBER Working Paper No. 31105. April.

153. The Economist (2024). Can the IMF solve the debt crisis of the world's poor countries? 18 April.

и финансовой сфере могут быть в большей или меньшей мере смягчены в обозримой перспективе. Технологическая же фрагментация несет долговременные и непреодолимые экономические последствия, многократно увеличивая риски экономического отставания отдельных государств и неравномерного мирового развития.

Оценки потерь глобального ВВП из-за технологического фактора составляют 5–7%, т. е. на 20–40% больше приводившихся выше оценок потерь от торговой фрагментации¹⁵⁴. По некоторым прогнозам, только ликвидация торговли высокотехнологичными товарами между конкурирующими блоками может стоить до 1,2% мирового ВВП ежегодно — около 1 трлн долл.¹⁵⁵

Такие гигантские потери связаны с рядом обстоятельств. Во-первых, это усиливающееся ускорение и диверсификация технологического прогресса, требующие огромных финансовых затрат и нового материального и профессионального качеств научных исследований и разработок. Как здесь не вспомнить знаменитый закон Гордона Мура, который в 1959 г. сформулировал закономерность удвоения каждые 1,5–2 года количества транзисторов на единицу площади интегральной схемы. Практика в течение 60 лет показывала корректность вывода Г. Мура, однако в 2020-е годы стало ясно, что технологический прогресс в электронике, где происходит смена мультиядерной эры, пошел по другому пути. Эти качественные изменения ускоряются благодаря цифровым технологиям и искусственному интеллекту, что увеличивает технологическое неравенство отдельных государств¹⁵⁶.

Данная проблема может многократно обостриться в связи с ожидаемым наступлением 5-й промышленной революции, когда традиционные девайсы заменят интеллектуальные устройства

154. *Aiyar Sh. et. al. (2023). Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Note SDN/2023/001* Washington, DC: IMF. January. P. 4.

155. *The Economist (2024). The tech wars are about to enter a fiery new phase. 24 April.*

156. *Шугуров М.В., Васильев А.А. (2023). Международные санкционные барьеры на пути развития науки и международного научно-технологического сотрудничества: политико-правовой аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. № 1. С. 6–34. DOI: 10.31249/kgt/2023.01.01; Grant A., Haider Z. (2023). Geopolitical Risk: Navigating a world in flux. 9 March. <https://www.mckinsey.com/capabilities/risk-and-resilience/our-insights/geopolitical-risk-navigating-a-world-in-flux?>*

«мозг-компьютер», которые революционно преобразуют все производственные, творческие и социальные процессы¹⁵⁷.

Например, генеративный искусственный интеллект потенциально может добавить от 2,6 до 4,4 трлн долл. в мировой ВВП, но требует широкой координации на глобальном уровне для смягчения сопутствующих рисков и обеспечения получения выгод¹⁵⁸.

Не случайно наблюдается ускорение роста государственных затрат на исследования и разработки (R&D). Данные расходы в мире увеличились с 0,8 трлн долл. в 2000 г. до почти 3 трлн долл. в 2023 г., т. е. в 3,8 раза. При этом, наблюдается существенное превосходство по этому показателю Западного блока, несмотря на титанические усилия Китая, активно наращивающего свой научно-технологический потенциал, и некоторых других государств Незападного блока (рис. 24). По расчетам ИНП РАН, совокупные затраты на R&D «коалиции» России, а также дружественных и нейтральных стран составила только порядка 56% соответствующего показателя коалиции недружественных по отношению к РФ стран. И этот разрыв не удастся преодолеть в среднесрочной перспективе¹⁵⁹.

Ситуация с финансированием R&D отражается на одном из авторитетных показателей для данной сферы – Индексе инновационного развития, по которому в 2023 г. в группу 30 лучших стран вошли только 2 юрисдикции из Незападного блока – Китай (12-е место, в 2022 г. было 11-е) и китайский Гонконг (17-е место, в 2022 г. было 14-е)¹⁶⁰.

Качественное ускорение технологического прогресса и усложнение задач, встающих в данной связи перед наукой и производством, многократно увеличивают потребности в финансировании.

-
157. Noack P. (2024). The Fifth Industrial Revolution: where mind meets machine. 30 March. <https://www.thenationalnews.com/opinion/comment/the-fifth-industrial-revolution-where-mind-meets-machine-1.1061280>; Kraaijenbrink J. (2022). What Is Industry 5.0 And How It Will Radically Change Your Business Strategy? Forbes. 24 May.
158. McKinsey (2023). Generative AI holds huge economic potential for the global economy. 4 July. <https://www.mckinsey.com/ai/news/generative-ai-holds-huge-economic-potential-for-the-global-economy>
159. ИНП РАН (2024). Россия 2035: к новому качеству национальной экономики. Научный доклад. Под ред. А.А. Широ́ва. М.: Артк Принт. С. 31, 37. DOI: 10.47711/sr1-2024.
160. WIPO (2023). Global Innovation Index 2023: Innovation in the face of uncertainty Geneva. P. 19. DOI: 10.34667/tind.48220.

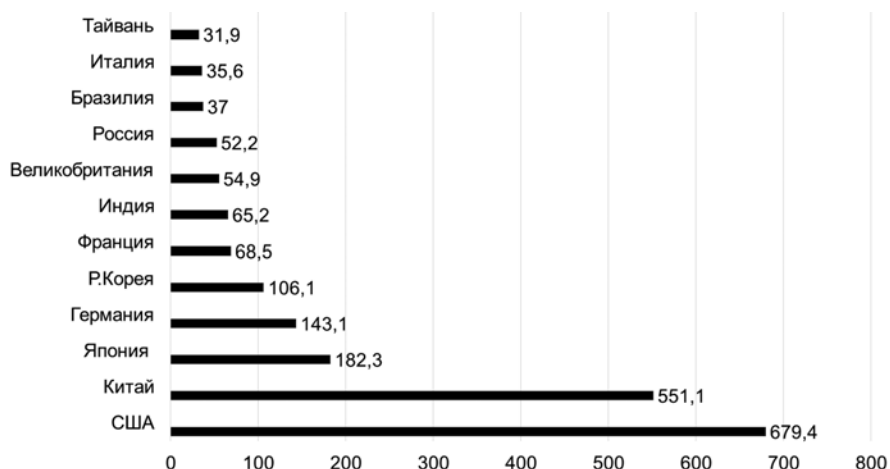

Рис. 24. Затраты на R&D в 2022 г. в отдельных странах, млрд. долл.

Источник: Statista (2023). Leading countries by gross research and development (R&D) expenditure worldwide in 2022. <https://www.statista.com/statistics/732247/worldwide-research-and-development-gross-expenditure-top-countries/>

Во-вторых, если товары можно с большими или меньшими издержками найти у другого поставщика, то необходимые технологии получить крайне сложно. Не случайно, что многие ограничения, вводимые в рамках санкций, направлены на перекрытие технологических трансферов. Поэтому технологическая фрагментация ведет к замедлению инновационного развития, что особенно чувствительно сказывается на странах, которые были сильно зависимы от иностранного оборудования, приборов, компонентов и новых материалов и зарубежных специалистов.

В-третьих, как отмечает И. Данилин, технологическая фрагментация значительно увеличивает потери от торговых ограничений, а затраты на адаптацию, вероятно, будут большими¹⁶¹. При этом важным является не только потеря поставщиков, но и ограничение доступа к рынкам, что критически влияет на развитие высокотехнологичных отраслей.

161. Danilin I. (2021). The U.S.-China Technological War. Russia in Global Affairs. Vol. 19. No. 4. Pp. 78–96. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-4-78-96.

Показательна в этом плане усиливающаяся технологическая война США и Китая. Как известно, масштабная торговая война началась в 2018 г. с введением США повышенных импортных пошлин на сталь и алюминий. Однако вскоре центр ее тяжести сместился на технологический сектор. В октябре 2022 г. США объявили о широком экспортном контроле в полупроводниковой промышленности, ориентированном на Китай. Согласно ограничениям, любой полупроводник, изготовленный по американской технологии для использования в суперкомпьютерах или искусственном интеллекте, может быть продан в Китай только при наличии американской экспортной лицензии. Учитывая, что почти все полупроводники производятся по американским технологиям, это правило фактически распространяется на всю мировую промышленность. В 2023 г. США ввели новые меры экспортного контроля, которые резко расширяют запрет для полупроводниковых технологий. Новые правила, во-первых, выходят за рамки нацеливания на конкретные компании и теперь начинаются с запрета на экспорт в Китай любых микросхем, характеристики которых превышают определенный порог. Во-вторых, они запрещают любому американскому гражданину, владельцу грин-карты или компании, не имеющей соответствующей лицензии, сотрудничать с какой-либо китайской компанией по производству чипов. В-третьих, новые правила ограничивают использование американских инструментов, оборудования или программного обеспечения в любой точке мира для производства и экспорта передовых микросхем в Китай. В мае 2024 г. Вашингтон заявил о резком повышении импортных пошлин на ряд китайских технологичных товаров, включая компьютерные чипы, солнечные батареи и полупроводники, электромобили.

В-четвертых, технологическая изоляция ведет к сокращению не только торговли, но и притока капитала, квалифицированной рабочей силы, ограничению технологических трансферов и доступа к базам данных, свертыванию межгосударственных обменов информацией и научных дискуссий, контактов студентов и ученых, а также деградации других направлений технологической кооперации. Например, доля исследовательских работ, проводимых Китаем в рамках международного сотрудничества, с участием американских соавторов упала с пиковых 47% в 2013 г. до 32% в 2022 г.¹⁶²

162. The Economist (2023). Xi Jinping's paranoia is making China isolated and insular. 12 February.

Новыми сферами межгосударственного противостояния становится сфера «зеленой» энергетики. По некоторым прогнозам, совокупный рынок чистых технологий с 2020 г. по 2050 г. может достичь от 24 до 75 трлн долл.¹⁶³ США, например, не случайно для защиты внутреннего рынка поддерживают высокие тарифы на китайские солнечные панели и электромобили в размере 14,25 и 25% соответственно¹⁶⁴.

В-пятых, в связи с развитием цифровых технологий значительно возросла зависимость экономик от глобальных социальных платформ и нейросетей¹⁶⁵. Это вызывает не только устойчивый рост затрат на импортозамещение, но и связано с дополнительными мерами по созданию национальных защитных барьеров для данных коммуникаций, которые сдерживают развитие собственного технологического потенциала, особенно такой его составляющей, как человеческий капитал.

Последствия технологической фрагментации скажутся на всех странах, так как в современном мире развивать постоянно дифференцирующийся и расширяющийся комплекс ведущих технологий не могут позволить себе даже такие экономические супердержавы, как США и Китай. Однако особенно остро данный тренд отразится на государствах с переходной экономикой и развивающихся странах.

Например, исследование К. Гоуза и Э. Беккерса с использованием многоотраслевой модели общего равновесия с динамическим отраслевым распространением знаний продемонстрировало, как технологический декаплинг может нанести глубокий ущерб перспективам всех стран, особенно в регионах с более низкими доходами, поскольку они получают меньшую выгоду от распространения технологий из более богатых регионов¹⁶⁶.

163. *Varadarajan R. et al. (2023). The Unwinding of Global Tech Supply Chains. 22 March. <https://www.bcg.com/publications/2023/the-unwinding-of-global-tech-supply-chains>*

164. *The Economist (2024). The tech wars are about to enter a fiery new phase. 24 April.*

165. Два примера борьбы за социальные сети. В апреле 2024 г. Конгресс США принял законопроект, требующий от китайских владельцев видеоплатформы TikTok, которой пользуются 170 млн американцев, продать ее в течение 270 дней, или она будет запрещена в Америке. В свою очередь, китайские власти потребовали у Apple удалить платформы WhatsApp и Threads, принадлежащие Meta, из своего китайского магазина приложений.

166. *Goes C., Bekkers E. (2022). The Impact of Geopolitical Conflicts on Trade, Growth and Innovation. WTO Working Paper. ERSD-2022-09.*

Данный вывод подтверждает рис. 25, который показывает большую по сравнению с развитыми странами зависимость развития высокотехнологичных отраслей и их экспорта от импортных поставок в новых индустриальных государствах, добившихся своих экономических успехов во многом за счет активного использования технологического фактора. В частности, в экспорте мобильных телефонов из Вьетнама или Индии на импортные поставки комплектующих приходится 60–70% их стоимости.

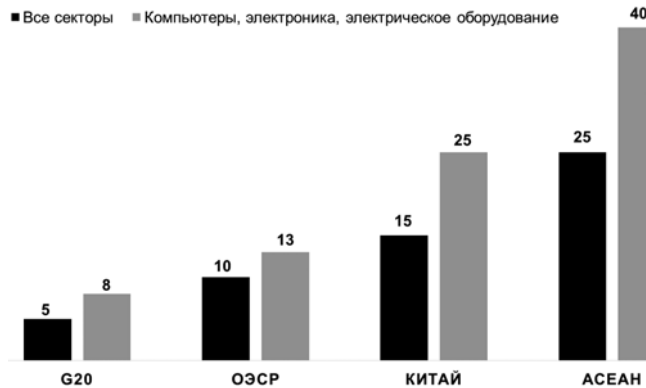

Рис. 25. Доля зарубежной добавленной стоимости в валовом экспорте у отдельных групп стран в 2019 г., %

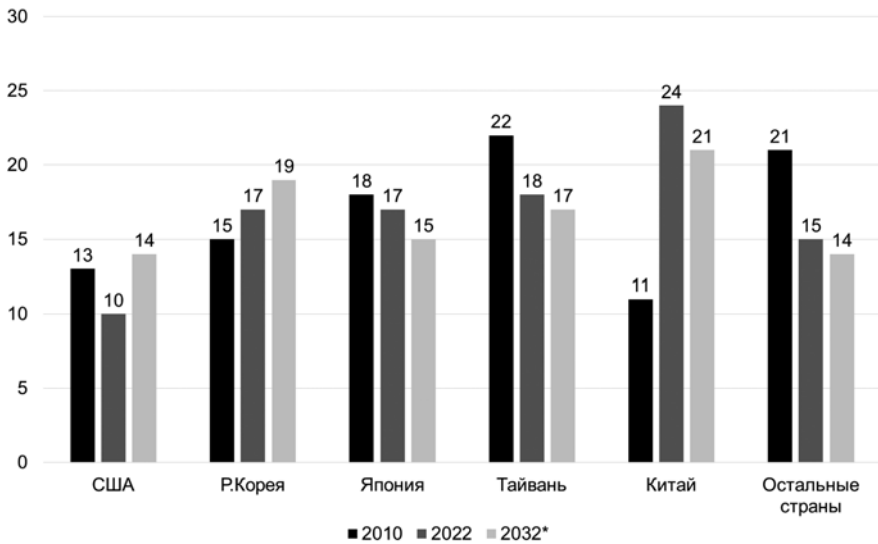
Источник: Cerdeiro D. et al (2021). Sizing up the effects of technological decoupling. IMF Working Paper No. 2021/069.

Новым проявлением технологической фрагментации становится создание альянсов развитых стран по критически важным на современном этапе промышленной революции направлениям. Речь идет о возможной реализации таких проектов, как объединение производителей полупроводников из США, Южной Кореи, Японии и Тайваня Chip-4; клуб импортеров для управления рисками в поставках критических минералов из G7 и ЕС; альянс 10 ведущих разработчиков технологии 6G, в который не приглашают такого лидера в данной сфере, как Китай, партнерство Великобритании и Японии в области полупроводников¹⁶⁷. Такая институализация

167. Xiaoming Z. (2024). Blame U.S. for Economic Fragmentation. 28 June. <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/blame-us-for-economic-fragmentation>; Shib W. C. (2023). The New Era of Industrial Policy Is Here. <https://hbr.org/2023/09/the-new-era-of-industrial-policy-is-here>

сотрудничества, отчасти основанная на принципах картеля по типу ОПЕК, но для цифровой эры, будет вести к еще большему технологическому расколу глобального экономического пространства, увеличив технологическое отставание развивающихся стран.

Например, согласно докладу Ассоциации полупроводниковой промышленности (SIA) и Boston Consulting Group о цепочке поставок полупроводников, доля 4 потенциальных членов Chip-4 возрастет с 64% в 2022 г. до 67% в 2032 г., в то время как доля Китая соответственно уменьшится с 24 до 21%, а группы остальных стран – с 21 до 14%, из которых 9% придется на европейские государства (рис. 26). В то же время процесс создания Chip-4 затягивается, так как не удается согласовать интересы его отдельных участников, компании которых стремятся к лидерству по отдельным направлениям развития отрасли и не спешат делиться своими конкурентными преимуществами, а также в разной степени зависят от поставок из Китая, которые уменьшатся в связи с созданием полупроводникового союза.

* Прогноз.

Рис. 26. Удельный вес производства полупроводников в отдельных странах в мире, в пересчете на эквивалент 8 дюймов, %

Источник: SIA, BCG (2024). Strengthening the U.S. Semiconductor Supply Chain. https://www.semiconductors.org/wp-content/uploads/2024/05/Emerging-Resilience-in-the-Semiconductor-Supply-Chain_SIA-Summary.pdf

Усиление технологической фрагментации обострило проблему национального технологического суверенитета, которая имеет как научное, так и политическое содержание. Эта проблема нуждается в отдельных комплексных исследованиях, но для данного доклада важным является вопрос, насколько страна должна или может обеспечить своими силами технологическое развитие в условиях геополитической фрагментации. Тем более что в связи с развитием новых цифровых технологий и нейросетей, носящих глобальный характер, эта проблема качественно усложняется.

Так, концепция технологического суверенитета Китая предполагает развитие критически важных для будущей конкурентоспособности отраслей, начиная от искусственного интеллекта и заканчивая космосом, одновременно освобождая доступ к производственному сектору и некоторым секторам услуг иностранным инвесторам¹⁶⁸. Во многом сходной является индийская концепция, в основе которой лежит стратегия «Самодостаточная Индия» (*Atmanirbhar Bharat*), выдвинутая в 2020 г. индийским лидером Н. Моди. В докладе о технологическом суверенитете Индии утверждается, что Индия должна усилить самообеспеченность за счет опоры на свой внутренний рынок и снижения зависимости от иностранных товаров¹⁶⁹. Концепция технологического суверенитета России основана на более общей и нейтральной по отношению к внешнему сектору формулировке. Это «способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства»¹⁷⁰.

Очевидно, что построить технологический суверенитет с преобладанием импортных технологий невозможно. В то же время

168. *Cash J., Mo Y.* (2024). China aims for self-reliance in tech; vows to open manufacturing to foreign investors. 5 March. <https://www.reuters.com/world/china/china-aims-self-reliance-tech-vows-open-manufacturing-foreign-investors-2024-03-05/>

169. *Mathias L. et al.* (2021). *Technological Sovereignty and India*. Dr Syama Prasad Mookerjee Research Foundation.

170. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 28 февраля 2024 г. С. 4. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003?ysclid=ly2qqig1a4585369271>

в научном сообществе распространенным является мнение, что ни одна страна не может обеспечить своего полного технологического суверенитета без внешних факторов, т. е. всеобъемлющей технологической автаркии. Об этом пишут Д.Ю., Файков и Д.Ю. Байдаров¹⁷¹, К. Марч и Й. Шифердекер¹⁷², Е.Б. Ленчук¹⁷³, В.Е. Дементьев¹⁷⁴. Более развернуто выражают данную позицию Я. Эдлер и соавторы, определяющие технологический суверенитет как способность государства обеспечивать технологии, которые оно считает критически важными для своего благосостояния, конкурентоспособности, и способность действовать и иметь возможность развивать их или получать их от других экономических зон без односторонней структурной зависимости¹⁷⁵. С данной позицией в целом соглашаются эксперты ИНП РАН, которые считают, что обеспечение технологического суверенитета требует разработки и реализации комплекса мер по эшелонированному увеличению технологической устойчивости ведущих секторов экономики за счет повышения технологического уровня с одновременной диверсификацией производств и адаптацией к внешним рискам¹⁷⁶.

Правда, в художественной литературе есть пример практически полного автаркического технологического суверенитета. Имеется в виду необитаемый остров, куда в знаменитом романе Даниэля Дефо попал после кораблекрушения главный герой Робинзон Крузо и где он обеспечил свое материальное существование. При этом Робинзон за несколько лет освоил те технологии,

-
171. Файков Д. Ю., Байдаров Д.Ю. (2023). На пути к технологическому суверенитету: теоретические подходы, практика, предложения // Экономическое возрождение России. №1. С. 67–83. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82.
172. March C., Schieferdecker I. (2023). Technology Sovereignty as Ability, Not Autarky International Studies Review, Vol. 25. Issue 2. June. <https://doi.org/10.1093/isr/viad012>
173. Ленчук Е.Б. (2023). Основные контуры научно-технологической политики России в условиях внешних ограничений // Экономическое возрождение России. № 3(77). С. 16–24. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-16-24.
174. Дементьев В.Е. (2023). Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // Terra Economicus. № 21(1). С. 6–18. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21- 1-6-18.
175. Edler J. et al. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. Research Policy. Vol. 52. Issue 6. July. P. 2. DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765.
176. ИНП РАН (2024). Россия 2035: к новому качеству национальной экономики. Научный доклад. Под ред. А.А. Широва. М.: Артк Принт. С. 107. DOI: 10.47711/sr1-2024.

на которые человечеству понадобилось несколько столетий. Однако и в этом примере можно найти случаи использования героем внешних факторов — предметов, которые он перевез с 1-го и 2-го поврежденных судов, прибитых океаном к берегу его острова, а также 1 работника Пятницу, высаженного соплеменниками-туземцами в качестве наказания на остров Робинзона.

Если же отбросить шутки в сторону, то достижение технологического суверенитета своими силами даже в отдельной сфере производства является достаточно длительным и затратным процессом. Второй мировой технологический лидер Китай начал свое стремительное возвышение 20–25 лет назад, когда значительно возросли его затраты на R&D, увеличившись в 2000–2020г г. на 1669%, в то время как у идущих за ним Южной Кореи — на 509%, Тайваня — на 423% и России — на 357%¹⁷⁷. Если же говорить о технологическом суверенитете в отдельных сферах, то Тайваню понадобилось почти 30 лет, чтобы стать мировым лидером по производству полупроводников¹⁷⁸.

Поэтому не случайно появляются идеи о неодинаковом технологическом суверенитете в разные периоды развития, или об оптимальном технологическом суверенитете и движении к технологическому суверенитету как стратегической цели государственной политики.¹⁷⁹ Или о неполном технологическом суверенитете, при котором передовые импортные продукты замещаются на менее сложные национальные, уступающие лучшим образцам, или продолжают ввозиться извне¹⁸⁰. Или о первичном технологическом суверенитете, обеспечивающем приоритет решения оборонных задач, что определяет «своеобразную моду и планку в области технологического развития страны»¹⁸¹. Или о технологическом лидерстве, когда ставит-

177. Sargent J. (2022). Global Research and Development Expenditures: Fact Sheet. 14 September. Congressional Research Service <https://crsreports.congress.gov/R44283>

178. The Economist (2023). Taiwan's dominance of the chip industry makes it more important. 6 Marth.

179. Юревич М.А. (2023). Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения // Вопросы теоретической экономики. № 4. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21.

180. Cantner U. (2023). Industrial policy and technological sovereignty. Drugel Blueprint Series: Sparking Europe's New Industrial Revolution. Chapter 4. Pp. 73–88.

181. Сухарев О. С. (2024). Как обеспечить технологический суверенитет России // Независимая газета. 25 июня.

ся задача достижения передовых позиций и технологического суверенитета в ряде критически важных отраслей экономики¹⁸².

По существу, словосочетание «критически важные» отрасли, которое употребляется в большинстве официальных и научных определений технологического суверенитета, является отчасти компромиссным вариантом сочетания опоры на собственные силы и использования внешних факторов, что предполагает селективную технологическую политику. Поэтому само по себе понятие «критически важные» не снимает вопроса о широте выборки таких отраслей и возможности их автономного развития на конкурентоспособном уровне в современных реалиях, которые зависят от многих факторов, прежде всего от масштабов имеющегося экономического, технологического и человеческого потенциалов.

Отсюда возникает и другой вопрос, приемлем или нет неполный технологический суверенитет, если он не несет прямых угроз национальной безопасности. При этом непростым является вопрос, допустима ли зависимость от критических импортных технологий из дружественных стран, если учитывать высокую нестабильность политической конъюнктуры. И насколько глубоко может развиваться технологическое сотрудничество с близкими геополитическими партнерами. Вот такие проблемы, которые в конечном счете должна решать каждая страна самостоятельно, ставит современная технологическая фрагментация.

182. Ермакова С., Гринкевич Д. (2024). В правительстве предложили 12 нацпроектов технологического суверенитета // Ведомости. 19 марта.

НАСКОЛЬКО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЙ БУДЕТ СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ

Особенностью современной мировой экономики является парадоксальный характер ее развития. Как отметили эксперты McKinsey, мир никогда не был более взаимосвязанным с экономической точки зрения, но мы также испытываем более сильную фрагментацию, чем когда-либо в нашей жизни¹⁸³. Это делает крайне сложным занятием прогнозирование развития геополитической фрагментации на перспективу.

Действительно, несмотря на все катастрофические предсказания конца глобализации, она продолжает оставаться базисным явлением, определяющим современную мировую экономику. В его проявлении могут быть отдельные спады, которые некоторые авторы считают деглобализацией, а другие — временной характеристикой фундаментального процесса глобализации¹⁸⁴.

О продолжении экономической глобализации в условиях обострения геополитической фрагментации говорит исследование экспертов MGI «Глобальные потоки: узы, которые связывают взаимосвязанный мир», свидетельствующее о перенастраивании глобализационных потоков, переносе их центра тяжести на данные

-
183. Haider Z., Huntsman J., Leech C. (2023) Geopolitical resilience: The new board imperative. 8 August. <https://www.mckinsey.com/capabilities/risk-and-resilience/our-insights/geopolitical-resilience-the-new-board-imperative>
184. Хейфец Б.А. (2023). Глобализация и деглобализация мировой экономики в эпоху перемен. Некоторые дискуссионные вопросы // Общество и экономика. 2023. №10. С. 22–40. DOI: 10.31857/S020736760027077-3.

и информацию, услуги, интеллектуальную собственность и иностранных студентов¹⁸⁵.

Данный вывод подтверждается в исследовании для Всемирного экономического форума 2024 г. «Барометр глобальной кооперации», проанализировавшего 5 направлений развития международного сотрудничества (торговля и капитал, инновации и технологии, климат и природные ресурсы, здоровье и благополучие, мир и безопасность). По ним на основании анализа 42 показателей были рассчитаны агрегированные компоненты общего индекса глобальной кооперации, которые показали, что в 2020–2022 гг. существенно понизился только индекс мира и безопасности, а больше всех вырос индекс сотрудничества в области инноваций и технологий (рис. 27).

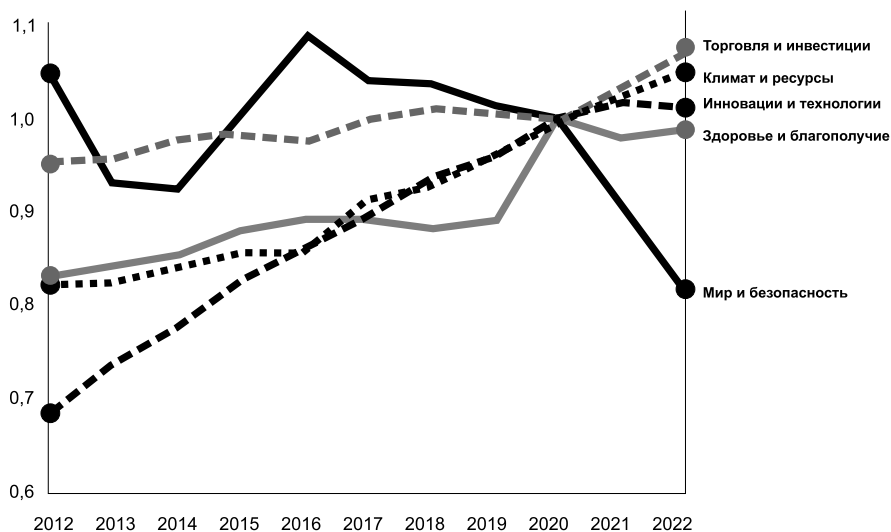

Рис. 27. Изменение отдельных компонентов индекса глобальной кооперации

Источник: WEF, McKinsey (2024). The Global Cooperation Barometer 2024.

Такой же точки зрения придерживаются и авторы авторитетного доклада 2024 г. «Индекс ДНГ глобальной взаимосвязанности», который ежегодно публикуется с 2011 г., С. Альтман и К. Бэстиан. Они считают, что «глобальная связанность достигла рекордного

185. McKinsey Global Institute (2022). Global flows: The ties that bind in an interconnected world. November.

уровня в 2022 г. и оставалась близкой к этому уровню в 2023 г. Устойчивость и рост международных потоков торговли, капитала, информации и людей перед лицом недавних кризисов решительно опровергают представление о том, что глобализация пошла вспять». Вместе с тем в докладе отмечается, что в условиях фрагментации анализ развития глобализации должно опираться не только на группу традиционных показателей, характеризующих глубину (depth) международных потоков, таких как соотношение экспорта и ВВП. Но и с помощью группы показателей, отражающих их ширину (breadth), т. е. насколько широко международные потоки распределены по всему миру, а не сконцентрированы между конкретными источниками и пунктами назначения¹⁸⁶.

Говоря о временных горизонтах современной геополитической фрагментации, нельзя не вспомнить, что предыдущее масштабное геополитическое противостояние периода холодной войны I продолжалось около 45 лет (конец 1940 — начало 1990-х годов). В современном мире все процессы ускоряются, что не может не сократить продолжительность текущего геополитического дробления глобального экономического пространства, которое должно быть в значительной степени преодолено интеграционными силами.

Для такого прогноза есть ряд объективных факторов.

Во-первых, это высокая степень взаимосвязанности современной мировой экономики. В 2023 г. соотношение мировой торговли (экспорт + импорт) и ВВП составляло 58,0% (в 2022 г. — 61,4%), в то время как во время холодной войны I в 1960 г. данный показатель был 18,4%. Текущие глобальные ПИИ в 1970–2022 гг. увеличились в 142 раза¹⁸⁷.

Импортные пошлины по всему миру были снижены в среднем с 8,5% в 1996 г. до 2,6% в 2022 г. Примечательно, что рост ВВП на душу населения за 20 лет после основания ВТО был во всем мире почти на 50% выше, чем за 20 лет до этого, даже несмотря на то что в странах с высоким уровнем доходов он замедлился¹⁸⁸.

186. Altman S. A., Bastian C. (2024). DHL Global Connectedness Report 2024. DHL Group. February. DOI: 10.58153/7jt4h-p0738.

187. World Bank (2024). Indicators. <https://data.worldbank.org/indicator>

188. Hofman B. (2023) Fragmentation the big threat facing the global economy. 18 May. <https://www.nus.edu.sg/newshub/news/2023/2023-05/2023-05-18/THE-st-18may-pB1%26B2.pdf>

Взаимосвязанность мировой экономики наглядно проявляется в концентрации мировой торговли. Как показало исследование экспертов MGI, ни один макрорегион мира не является самообеспеченным, так как зависит от торговли с другими более чем 25% хотя бы одного важного вида товара. Только около 60% мировой торговли диверсифицировано, а 40% мировой торговли концентрировано¹⁸⁹.

Такая концентрация торговли может быть охарактеризована двумя моделями. Одна из них — концентрация по странам, где размещены природные богатства. Сейчас на долю трех крупнейших производителей в среднем приходится около 65% мирового производства сельскохозяйственной продукции, около 50% энергии и около 75% добычи полезных ископаемых¹⁹⁰.

Другая модель базируется на консервативности политики стран-импортеров, которые полагаются на три или менее страны-экспортера, даже если есть другие глобальные варианты поставок. При этом за последние пять лет крупнейшие экономики не проводили систематической диверсификации источников происхождения импорта, т. е. сохраняли сложившиеся ГЦС¹⁹¹.

Во-вторых, фрагментация условна, так как зависит от политических факторов, а геополитика в современном мире становится более динамичной и турбулентной.

В-третьих, существует серьезный институциональный потенциал мировой экономики (международные организации, международные договоры и соглашения, различные интеграционные союзы, включая несколько сот зон свободной торговли, мультинациональные компании, социальные сети, глобальные экосистемы и т.п.). Этот потенциал, хотя недостаточно эффективный и нуждающийся в модернизации, не так просто разрушить. Он будет оказывать постоянное давление, противоборствующее геополитической фрагментации. Жить в сильной конфронтации так долго, как во времена холодной войны I, вряд ли получится.

189. White O. et al. (2023). The complication of concentration in global trade. January. Pp. 1–18.

190. Alvarez J. et al. (2023) Geoeconomic Fragmentation and Commodity Markets IMF Working Paper. WP/23/201. October. P. 9.

191. White O. et al. (2023). The complication of concentration in global trade. January. Pp. 1–18.

В-четвертых, в условиях надвигающейся 5-й промышленной революции и принципиально новой системы производственных и личностных коммуникаций (глобализации потребителей), основанных на Интернете, искусственном интеллекте и нейросетях, невозможно обеспечить надолго полную изоляцию даже небольших и экономически малоразвитых государств, тем более для стран, уже вкусивших все прелести глобализации в 2000-е и 2010-е годы.

В-пятых, всестороннего международного сотрудничества требуют огромные потери, непосильные даже для крупных экономик, которые связаны с борьбой с неблагоприятными последствиями изменения климата. По некоторым оценкам, они могут достигнуть 9% стоимости жилья в мире к 2050 г., или 25 трлн долл., что ненамного меньше годового ВВП США¹⁹². Достаточно упомянуть о возможном затоплении огромных обжитых территорий вследствие прогнозируемого повышения уровня вод Мирового океана до полуметра в течение ближайших 50 лет.

В-шестых, высокие потери от геополитической фрагментации, о чем говорилось выше, не приемлемы для многих государств, особенно менее развитых. Они заставят мировое сообщество искать пути изменения складывающейся негативной ситуации.

В-седьмых, расширяется практика преодоления фрагментационных разрывов с помощью различных схем и технологий — инвестиционных, кооперационных, офшорных, криптовалютных, параллельного импорта и т.п., что поддерживает общую связанность глобальной экономики.

Например, китайские фирмы вторгаются на те же рынки, где США стремятся вытеснить Китай. Импортер (американский или китайский) может собирать китайские компоненты и маркировать Мексику как страну происхождения, скрывая участие Китая. В соглашениях о свободной торговле, формально соблюдающих правила происхождения товара, есть лазейки, прежде всего позволяющие создавать бизнес в одной из стран соглашения и выходить таким образом на общий льготный рынок. ПИИ Китая в Мексику достигли 2,5 млрд долл. в 2022 г. Самый успешный китайский производитель электромобилей BYD заявил, что будет производить

192. The Economist (2024). Global warming is coming for your home. 11 April.

в Мексике 150 тыс. автомобилей в год, однако вряд ли все они будут проданы на местном рынке¹⁹³.

Другой пример, когда крупные производители электроники ускорили перенос производства из Китая во Вьетнам из-за американских тарифов на китайские товары. Однако Вьетнам получает основную часть импорта из Китая, а большая часть экспорта направляется в США¹⁹⁴.

О сохраняющихся в условиях геополитической фрагментации кооперационных связях свидетельствует и исследование Банка международных расчетов (BIS), в котором проанализированы данные более 25 тыс. компаний и обнаружено, что за последние два года произошло удлинение цепочек поставок, особенно тех, которые включают китайских поставщиков и американских заказчиков¹⁹⁵.

Таким образом, дискуссия о продолжительности современной фрагментации во многом связана с оценкой перспектив экономической глобализации. Представляется, что глобализация будет продолжаться и принимать новые формы¹⁹⁶. Это также является аргументом, в пользу того что современная геополитическая фрагментация будет короче предыдущей фрагментации второй половины XX века. Но и в прошлом геополитическая конфронтация в 1980-е годы, когда стали расширяться экономические связи социалистических и развитых капиталистических государств, стала заметно мягче, чем в 1950-е и 1960-е годы.

Хотя, конечно, есть и другие прогнозы, которые в основном носят среднесрочный характер, не выходя за горизонт 10 лет. Так, эксперты МГИ рассматривают два сценария реконфигурации глобальной торговли. В одном из них торговля фрагментируется и деглобализуется, переходя к более геополитически близким партнерам. В другом сценарии торговля становится более диверсифицированной, без геополитического преломления. Согласно деглобализационному сценарию, доля мировой торговли между

193. The Economist (2024). Could there be a US-Mexico trade war? 12 March.

194. Gopinath G. et al. (2024). Changing Global Linkages: A New Cold War? IMF Working Paper 24/76. April.

195. Han Qiu et al. (2023). Mapping the realignment of global value chains. BIS Bulletin. No. 78. 3 October. P. 3.

196. Хейфец Б.А. (2023). Глобализация и деглобализация мировой экономики в эпоху перемен. Некоторые дискуссионные вопросы // Общество и экономика. 2023. №10. С. 22–40. DOI: 10.31857/S020736760027077-3.

странами Восточной группы и Западной группы к 2035 г. упадет на 70%. Объем торговли внутри Восточной группы увеличивается более чем в два раза, а внутри Западной группы увеличивается на 40% по сравнению с сегодняшним днем¹⁹⁷.

Подобную динамику прогнозируют и эксперты ВСС, которые считают, что мировая торговля товарами замедлится в 2024–2032 гг. и будет расти в среднем по 2,8% в год, уступая предполагаемым темпам роста глобального ВВП (3,1%). При этом более быстрыми темпами будет расти внутрирегиональная торговля в отдельных макро-регионах – Северной Америке, Азии. И относительно ослабятся традиционные торговые потоки – Китай–США и Китай–ЕС¹⁹⁸.

Тревогу выражают и бывший директор-распорядитель Всемирного банка Б. Бард, и профессор И. Тиберген, считающие, что если лидеры ответят политикой «око за око», направленной на обеспечение преимуществ перед конкурентами, интегрированная глобальная экономика может развалиться¹⁹⁹.

Не случайно, что эксперты МВФ говорят о сложности даже среднесрочного прогноза развития геополитической фрагментации, так как есть вероятность, что раскол между соперничающими геополитическими блоками будет длительным. Появление новых игроков из неприсоединившихся «соединительных» стран не обязательно увеличит диверсификацию, укрепит цепочки поставок или уменьшит стратегическую зависимость²⁰⁰.

Учитывая проведенный в данной работе анализ, просматривается несколько вероятных сценариев развития геополитической регионализации (фрагментации) глобального экономического пространства.

В перспективе 10–15 лет возможно:

1) усиление биполярности глобального экономического пространства и расширение Западного и Незападного блоков за счет ранее не вовлеченных государств и создание новых коалиций;

197. *Seong J. et al.* (2024). Geopolitics and the geometry of global trade. 17 January. P. 40.

198. *Gilbert M. et al.* (2024). Jobs, National Security, and the Future of Trade. 08 January. https://www.bcg.com/publications/2024/jobs-national-security-and-future-of-trade?utm_campaign=AI%20and%20Digital%20Transformation&utm_content=202401&utm_description=featured

199. *Barde B., Tiberghien Yv.* (2024). The global economy is more fragile than it seems. 4 June. <https://www.japantimes.co.jp/commentary/2024/06/04/world/vulnerable-global-economy>

200. *Gopinath G. et al.* (2024). Changing Global Linkages: A New Cold War? IMF Working Paper 24/76. April.

2) снижение напряженности в политических и экономических отношениях между США и Китаем, развитие торговли и расширение технологического сотрудничества между двумя супердержавами. Это ослабит геополитическую фрагментацию глобального экономического пространства в целом и приведет к усложнению его структуры за счет сочетания биполярности и многополярности;

3) завершение главных вооруженных конфликтов последних лет, частичное ослабление санкционных и экономических войн, но продолжение холодной войны II, что предполагает сохранение базовых условий для новой волны геополитической фрагментации;

4) дефрагментационный сценарий, предполагающий постепенное ослабление влияния геополитических факторов и восстановление ведущих позиций традиционных форм регионализации, основанных на действии объективных экономических законов международного разделения труда, в том числе путем развития новых форм экономической интеграции, прежде всего накопительной интеграции;

5) коллапсионный сценарий, предусматривающий обострение холодной войны II, разрастание вооруженных конфликтов и возникновение масштабного вооруженного конфликта, который будет связан с более жестким разрывом внешнеэкономических связей. Хотя возможен и более мягкий сценарий «временной» глобальной катастрофы, например, обусловленный технологическими факторами, прежде всего искусственным интеллектом, глобальными кибервойнами, экологическими и эпидемиологическими потрясениями. Данный сценарий в любом случае приведет к хаотизации глобального экономического пространства, разрастанию его блоковости и деградации глобальной системы управления.

Очень рискованное занятие давать долгосрочные прогнозы, даже используя различные взаимоисключающие варианты. Прежде всего не хочется предполагать сценарий в стиле известной работы мудрого и саркастичного Френсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек», опубликованной в 1992 г.²⁰¹ Спустя всего 3 десятилетия практика показала недолговечность его основного тезиса о том, что конец истории не означает конца событийной истории, а означает конец века идеологических противостояний, глобальных революций

201. Fukuyama F. (1992). *The End of History and The Last Man*. Free Press.

и войн. Сейчас идеологическое противостояние не закончилось, хотя и уступило приоритету противостояния национальных интересов, которые в крайнем выражении приобрели форму прямых военных столкновений. Так что о конце конфликтов и войн говорить рано. Более того, существует угроза Третьей мировой войны, когда разговоры о геополитической фрагментации при Армагеддоне теряют смысл.

В то же время хочется верить в естественное чувство самосохранения человечества, которое позволит извлечь уроки из резкого обострения международной напряженности и губительных последствий жесткой геополитической фрагментации 2020-х годов, как это произошло в 1990-х годах. Тем более что в перспективе 20–30 лет в мире за счет естественной смены элит и появления в группе экономических лидеров новых держав кардинально изменится расклад геополитических сил. Трансформируется и социально-демографическая структура общества. В настоящее время поколение Z насчитывает не менее 250 млн человек, родившихся в период с 1997 г. по 2012 г., они более образованы и богаты, чем представители предыдущего поколения X, и им есть, что терять²⁰².

Данные обстоятельства требуют свежих идей и новых подходов к трансформации всей системы международной безопасности, принципиального реформирования ООН, МВФ, других международных организаций, военно-политических блоков и т.п. Такие изменения должны способствовать установлению нового мирового порядка, возрождению вектора многополярности, созданию более гармоничной системы международных отношений и глобального управления, которая сможет лучше нивелировать провалы однополярного или биполярного миров и создаст новые условия для глобальной конкуренции.

Таким образом, регионализация глобального экономического пространства, основанная преимущественно на внешнеполитических предпочтениях, в долгосрочной перспективе утратит свое сегодняшнее значение, как это было после предыдущей большой геополитической фрагментации XX в. Но регионализация мировой экономики по другим основаниям будет продолжаться, равно как и процесс ее глобализации.

202. The Economist (2024). Generation Z is unprecedentedly rich. 16 April.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Регионализация наряду с глобализацией является основополагающей характеристикой развития мировой экономики. Это сложный и многогранный процесс разделения глобального экономического пространства на определенные региональные (транс-региональные) сегменты, которые имеют общие характеристики и интересы развития.

Специфику такого разделения определяет выбор доминирующих факторов регионализации (географических, экономических, институциональных, культурно-исторических, этнографических, военно-политических, идеологических, конфессиональных и т.п.), что предполагает различные типы (модели) глобальной регионализации, которые будут отражать отдельные аспекты ее развития.

Проведенное исследование показало, что мы являемся свидетелями формирования новых политического и экономического мироустройств. Одной из значимых проявлений данного процесса является геополитическая фрагментация (регионализация) и поляризация глобального экономического пространства, которые ведут к сложному поиску новых партнеров и союзников в политической и экономической сферах. А ведущие к развитию данных процессов политика и стратегия могут быть названы геополитическим регионализмом, отражающим видение региональной структуры глобального экономического пространства с точки зрения национальных интересов отдельных государств и интересов их политических союзников.

Происходящая геополитическая фрагментация носит противоречивый характер, что во многом связано не только с политическими факторами, но и с современным этапом глобализации мировой экономики. Это комплексный и масштабный феномен, оказывающий огромное влияние на различные стороны глобального и национального социально-экономического развития. Геополитическая фрагментация не замещает других типов регионализации, но оказывает на них существенное влияние, так как ведет к заметной перестройке межгосударственных взаимоотношений. В то же время на ее развитие оказывают влияние и другие типы регионализации, прежде всего интеграционная регионализация.

Оценки геополитической фрагментации во многом зависят от позиций отдельных исследователей в отношении будущего глобализации и политики обеспечения национальной безопасности, особенно когда идет речь об ущербе для экономической эффективности. В настоящее время в научном дискусе преобладает точка зрения, что, несмотря на новые угрозы, глобализация продолжается, обретая другие формы и охватывая новые направления. И что, даже с учетом всех проблем, с которыми столкнулась глобализация, она доказала свою эффективность. Тем более что сейчас развитие глобализационных процессов стимулирует технологическая революция, поддержанная «зеленой» и информационной революциями.

Возможны различные сценарии продолжительности острой фазы геополитической фрагментации, однако, как показывает исторический опыт и объективная оценка общей взаимосвязанности глобальной экономики, вряд ли она будет продолжаться чрезмерно длительный период. В то же время современные условия характеризуются высокой степенью неопределенности, нельзя исключить и трудно предсказуемые субъективные факторы, особенно когда речь идет о политических интересах. В любом случае необходимо осознать, что возврата к спокойным либеральным 2000-м, и даже к посткризисным 2010-м годам, и старому миропорядку не будет, и при самом оптимистическом сценарии отголоски холодной войны II будут сказываться на развитии как глобальной экономики, так и отдельных крупных акторов в долгосрочной перспективе.

Поэтому проблемы, возникающие в связи с современной геополитической фрагментацией, отличающиеся новизной, требуют

постоянного мониторинга и анализа, а также профессиональных научных обсуждений.

Появляется и новое направление для исследований — регионализация глобального политического пространства, которая тесно связана с современной геополитической фрагментацией, но имеет свою специфику, требующую привлечения соответствующих специалистов. Это еще одно общее поле для совместных работ экономистов и политологов.

Данную новую реальность необходимо переосмыслить и конкретизировать для целей практической внешнеэкономической политики, которая должна обеспечивать рациональную открытость национальных экономик, не допускающую перехода к полному экономическому изоляционизму. Это касается и работающего за рубежом бизнеса, особенно крупного, у которого должен возрасти спрос на услуги геополитических консультантов. При этом универсальные корпоративные стратегии, прекрасно работавшие в прежние годы, придется переосмысливать и пересматривать с учетом конкретных страновых особенностей и новых рыночных ограничений.

ЛИТЕРАТУРА

- Валлерштайн И. (2001). Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга.
- Вардомский Л.Б. (2022). Страны Центральной Азии в процессах международной регионализации // Вестник Института экономики Российской академии наук №4. С. 9. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_4_7_22.
- Воскресенский А.Д. (2012). Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. №2. С. 39. DOI:10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58.
- Воскресенский А.Д. (2002). Региональные подсистемы международных отношений и регионы (к постановке проблемы). Восток – Запад – Россия. М.: Прогресс. С. 139–142.
- Головнин М.Ю. (2024). К чему ведет мировая экономическая фрагментация? 19 февраля. <https://freeconomy.ru/vazhnoe/k-chemu-vedet-mirovaya-ekonomicheskaya-fragmentatsiya.html>
- Головнин М.Ю. (2023). Финансовые риски для развития мировой экономики в краткосрочной перспективе // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 239. № 1. С. 365–378.
- Дементьев В.Е. (2023). Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // Terra Economicus. № 21(1). С. 6–18. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21- 1-6-18.
- Зевин Л.З. (2016). Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 26–33. DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-8-26-33П.
- Зевин Л.З. (2015). О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века. М.: Институт экономики РАН.
- Ильин И.В., Леонова О.Г. (2023). Новые подходы к исследованию глобализации // Век глобализации. №3. С. 42. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.0.3.
- ИНП РАН (2024). Россия 2035: к новому качеству национальной экономики. Научный доклад / Под ред. А.А. Широ́ва. М.: АртИк Принт. DOI: 10.47711/sr1-2024.
- Кнобель А., Фиранчук А. (2024). Переориентация внешней торговли России: шесть основных выводов. 24 февраля. <https://econs.online/articles/opinions/pereorientatsiya-vneshney-torgovli-rossii-shest-osnovnykh-vivodov>
- Костюнина Г. М. (2020). Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. №2. С. 303–317. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317.

- Ленчук Е.Б. (2023). Основные контуры научно-технологической политики России в условиях внешних ограничений // Экономическое возрождение России. № 3(77). С. 16–24. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-16-24
- Лисоволик Я. (2023). Новая парадигма: френдшоринг. 17 февраля. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-paradigma-frendshoring/?sphrase_id=96218729
- Машикова А.А., Бахтизин А.Р. (2024). Оценка последствий глобальных торговых войн для мировых экономик: инструменты и прогнозы // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (62). С. 12–30. DOI: 10.31737/22212264_2024_1_12-30.
- Михайленко Е.Б. (2014). «Старый» и «новый» регионализм: теоретический диспут. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Паньков В. С. (2009). Глобализация и международная региональная интеграция: две стороны одной медали? // Известия УрГЭУ. №2. С. 97–108.
- Портанский А.П. (2024). Опасность фрагментации глобальной экономики нарастает // Вестник международных организаций. Т. 19. № 2. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-01.
- Симачёв Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г. (2022). Новые контуры промышленной политики. М.: НИУ «Высшая школа экономики».
- Симачев Ю.В. и др. (2024). Мир в лабиринте санкций: промышленная политика на перепутье. М.: ИД НИУ ВШЭ.
- Спартак А.Н. (2017). Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к межрегиональным проектам // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. №4. С. 13–37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37.
- Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. (2023). На пути к технологическому суверенитету: теоретические подходы, практика, предложения // Экономическое возрождение России. №1. С. 67–83. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82.
- Хейфец Б.А. (2023). Глобализация и деглобализация мировой экономики в эпоху перемен. Некоторые дискуссионные вопросы // Общество и экономика. 2023. №10. С. 22–40. DOI: 10.31857/S020736760027077-3.
- Хейфец Б.А. (2023). Накопительная модель международной экономической интеграции // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. №1. С. 35–52. DOI: 10.31249/kgt/2023.01.01.
- Хейфец Б.А. (2019). Новые экономические мегартнерства и Россия. СПб.: Алетейя.
- Шишков Ю.С. (2008). Регионализация и глобализация мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. №8. С. 3–20. DOI: 10.20542/0131-2227-2008-8-3-20.

- Шугуров М.В., Васильев А.А. (2023). Международные санкционные барьеры на пути развития науки и международного научно-технологического сотрудничества: политико-правовой аспект // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. № 1. С. 6–34. DOI: 10.31249/kgt/2023.01.01.
- Юревич М.А. (2023). Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21.
- Aiyar Sh. et al. (2023). Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. IMF Staff Discussion Notes. Note SDN/2023/001 Washington, DC: IMF. January.
- Altman S.A., Bastian C. (2024). DHL Global Connectedness Report 2024. DHL Group. February. DOI: 10.58153/7jt4h-p0738.
- Alfaro L., Chor D. (2023). Global Supply Chains: The Looming “Great Relocation”. NBER Working Paper 31661. September. DOI: 10.3386/w31661.
- Alvarez J. et al. (2023). Geoeconomic Fragmentation and Commodity Markets. IMF. Working Papers. 3 October. No. 201.
- Anděl J., Bičík I., Bláha J. (2018). Concepts and delimitation of the world’s macro-regions. *Miscellanea Geographica. Regional Studies on Development*. Vol. 22. No. 1. Pp. 16–21. DOI: 10.2478/mgrsd-2018-0001.
- Arkipov A. (2023). Fragmentation of the world financial system: evidence from stock markets. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050923008517>
- Baldwin R.E. (1969). The Case against Infant-Industry Tariff Protection // *Journal of Poli Economy*. Vol. 77. No. 3. Pp. 295–305.
- Barde B., Tiberghien Yv. (2024). The global economy is more fragile than it seems. 4 June. <https://www.japantimes.co.jp/commentary/2024/06/04/world/vulnerable-global-economy/>
- Bartelme D. et al. (2019). The Textbook Case for Industrial Policy: Theory Meets Data. NBER Working Paper No. 26193.
- Bhagwati J. (1995). US Trade policy: The infatuation with free trade agreements. April. Discussion Paper Series No. 726. <https://academiccommons.columbia.edu/>. DOI: 10.7916/D8CN7BFM.
- Blanga-Gubbay M., Rubínová S. (2023). Is The Global Economy Fragmenting? WTO Staff Working Paper: Research ERSD-2023-10.
- Bolhuis M. et. al. (2023). Fragmentation in Global Trade: Accounting for Commodities. 24 March. IMF. Working Paper N 2023/073.
- Bown Ch. (2023). Modern industrial policy and the WTO. PIIE. Working Paper 23–15. December.

- Brandt W.* (1980). North-South: a programme for survival. Report of the Independent Commission on International Development Issues.
- Brenton P., Maliszewska M.* (2022). Reshaping Global Value Chains in Light of COVID-19: Implications for Trade and Poverty Reduction in Developing Countries. Washington, DC: World Bank. <http://hdl.handle.net/10986/37032>
- Brigitte L.* (2006). Emerging Countries, Regionalization, and World Trade // *Global Economy Journal*. Vol. 6. Issue 4. Pp. 1–31. DOI:10.2202/1524-5861.1217.
- Butorina O.V., Borko Y.A.* (2022). Benefits of Regional Integration: Redefining the Concept. // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 92. Pp. 105–112. DOI: 10.1134/S1019331622080020.
- Cash J., Mo Y.* (2024). China aims for self-reliance in tech; vows to open manufacturing to foreign investors. 5 March. <https://www.reuters.com/world/china/china-aims-self-reliance-tech-vows-open-manufacturing-foreign-investors-2024-03-05/>
- Calvert P.* (1994). The International Policies of Latin America. *Political Studies*. Pp. 29–30.
- Campos R. et al.* (2023). Geopolitical fragmentation and trade. 31 July. <https://cepr.org/voxeu/columns/geopolitical-fragmentation-and-trade>
- Cantner U.* (2023). Industrial policy and technological sovereignty. *Drugel Blueprint Series: Sparking Europe's New Industrial Revolution*. Chapter 4. Pp. 73–88.
- Canuto O., Lin J. Y., Zhang P.* (2022). Geopoliticized Industrial Policy Won't Work. Policy Centre for the New South, 3 March. <https://www.policycenter.ma/index.php/publications/geopoliticized-industrial-policy-wont-work>.
- Cerdeiro D. et al* (2021). Sizing up the effects of technological decoupling. IMF Working Paper No. 2021/069.
- Cipriani M., Goldberg L., La Spada G.* (2023). Financial Sanctions, SWIFT, and the Architecture of the International Payments System. Federal Reserve Bank of New York Staff Reports. No. 1047. January.
- Chuin Wei Yap* (2024). The bloc effect takes shape. 23 April. <https://www.hinrichfoundation.com/research/wp/trade-distortion-and-protectionism/the-bloc-effect-takes-shape>
- Clayton Ch., Maggiori M., Schreger J.* (2023). A Framework for Geoeconomics. NBER. Working Papers 31852. 7 November. DOI: 10.3386/w31852.
- Cohen B.J.* (2018). *Currency statecraft: Monetary rivalry and Geopolitical ambition*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Collins B.* (2010). Does Regionalism challenge Globalization or build upon it? 29 June. [https:// www.studocu.com/ph/document/polytechnic-](https://www.studocu.com/ph/document/polytechnic-)

- university-of-the-philippines/mechanical-engineering/does-regionalism-challenge-globalization-or-build-upon-it/10800607
- Dadush U., Prost D.E. (2023). Preferential Trade Agreements, Geopolitics, and the Fragmentation of World Trade // *World Trade Review*. Vol. 22. No. 2. Pp. 278–294. DOI: 10.1017/S1474745623000022.
- Danilin I. (2021). The U.S.-China Technological War. *Russia in Global Affairs*. Vol. 19. No. 4. Pp. 78–96. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-4-78-96.
- D'Orazio A, Ferriani F., Gazzani A. (2024). Goeconomic fragmentation and firms' financial performance. 18 March. <https://cepr.org/voxeu/columns/geoeconomic-fragmentation-and-firms-financial-performance>
- EBRD (2022). EBRD Transition Report 2022–23. 22 November. <https://www.ebrd.com/transition-report-2022-23>
- Eidler J. et al. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // *Research Policy*. Vol. 52. Issue 6. July. P. 2. DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765.
- Evenett S., Ruge N. (2024). Geopolitical Rivalry and Business: 10 Recommendations for Policy Design. White Paper. The World Economic Forum. May.
- Evenett S. et al. (2024). The Return of Industrial Policy in Data. IMF Working Papers. No. 2024/001. January.
- Fernandez-Villaverde J. et al. (2024). Are We Fragmented Yet? Measuring Geopolitical Fragmentation and its Causal Effects. 19 March. <https://www.sas.upenn.edu/~jesusfv/Fragmentation.pdf>
- Frankel J.A. (1998). *The Regionalization of the World Economy. Regionalism and Rivalry*. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 1–6.
- Frankema E. (2024). From the Great Divergence to South-South divergence. 2 January. <https://cepr.org/voxeu/columns/great-divergence-south-south-divergence>
- Fukuyama F. (1992). *The End of History and The Last Man*. Free Press.
- Friedmann J. (1972) *A General Theory of Polarized Development. Growth Centers in Regional Economic Development*. New York: The Free Press. Pp. 82–107.
- Georgieva K. (2023). Confronting Fragmentation Where It Matters Most: Trade, Debt, and Climate Action. 16 January. <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/01/16/Confronting-fragmentation-where-it-matters-most-trade-debt-and-climate-action>
- Georgieva K. (2023). The Price of Fragmentation. September/October. <https://www.foreignaffairs.com/world/price-fragmentation-global-economy-shock>.
- Gilbert M. et al. (2024). Jobs, National Security, and the Future of Trade. 8 January. <https://www.bcg.com/publications/2024/jobs-national>

- security-and-future-of-trade?utm_campaign=AI%20and%20Digital%20Transformation&utm_content=202401&utm_description=featured
- Goes C., Bekkers E. (2022). The Impact of Geopolitical Conflicts on Trade, Growth and Innovation. WTO Working Paper. ERSD-2022-09.
- Gopinath G. (2023). Charting a Course Through Rough Seas: How Emerging Markets Can Navigate Tougher External Conditions. 1 September. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/09/01/sp090123-gita-gopinath-keynote-address-at-the-sarb-biennial-conference>
- Gopinath G. et al. (2024). Changing Global Linkages: A New Cold War? IMF Working Paper 24/76. April.
- Grant A., Haider Z. (2023). Geopolitical Risk: Navigating a world in flux. 9 March. <https://www.mckinsey.com/capabilities/risk-and-resilience/our-insights/geopolitical-risk-navigating-a-world-in-flux?>
- Haider Z., Huntsman J., Leech C. (2023) Geopolitical resilience: The new board imperative. 8 August. <https://www.mckinsey.com/capabilities/risk-and-resilience/our-insights/geopolitical-resilience-the-new-board-imperative#/>
- Hakobyan Sh., Meleshchuk S., Zymek R. (2023). Divided We Fall: Differential Exposure to Geopolitical Fragmentation in Trade. IMF Working Paper N. WP/23/270. December.
- Han Qiu et al. (2023). Mapping the realignment of global value chains. BIS Bulletin. No. 78. 3 October.
- Harrison A., Rodríguez-Clare A. (2009). Trade, Foreign Investment, and Industrial Policy for Developing Countries. NBER Working Paper 15261. DOI: 10.3386/w15261.
- Hayakawa K., Baek J. (2022). Small or negative trade effects of regional trade agreements: Fixed costs of exporting vs investing. <https://cepr.org/voxeu/columns/small-or-negative-trade-effects-regional-trade-agreements-fixed-costs-exporting-vs>
- Hettne B., Söderbaum F. (2000). Theorising the Rise of Regionness. *New Political Economy*. Vol. 5. No. 3. Pp. 457–472. DOI: 10.1080/713687778.
- Hiroyuki Hoshiro (2019). Does regionalization promote regionalism? Evidence from East Asia // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. Vol. 8. No. 5. Pp. 199–219. DOI: 10.1080/24761028.2019.1693944.
- Hofman B. (2023) Fragmentation the big threat facing the global economy. 18 May. <https://www.nus.edu.sg/newshub/news/2023/2023-05/2023-05-18/THE-st-18may-pB1%26B2.pdf>
- Horn S. et al. (2023). China as an International Lender of Last Resort. NBER Working Paper No. 31105 April.

- Hout W. (1996). Globalization, regionalization and regionalism: A survey of contemporary literature // *Acta Politica*. Vol. 31. Issue 2. Pp. 164–181. <https://hdl.handle.net/1887/3450395>
- Hufbauer G., Jung E. (2020). Industrial Policy makes a Comeback. 16 August. <https://www.piie.com/commentary/op-eds/2020/industrial-policy-makes-comeback>
- Hung Tran (2024). “Connector economies” and the fractured state of foreign direct investment. 22 February. <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/connector-economies-and-fractured-foreign-direct-investment>
- Huntington S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: SIMON & SCHUSTER.
- IMF (2023). *Geopolitics and Financial Fragmentation: Implications for Macroeconomic Stability*. Global Financial Stability Report. April. Pp. 81–100.
- Jakubik A., Ruta M. (2023). *Trading with Friends in Uncertain Times*. IMF Working Paper 23/124. June.
- Javorcik B. et al. (2023). *Economic costs of friend-shoring. Geoeconomic Fragmentation. The Economic Risks from a Fractured World Economy*. Paris: CEPR PRESS. Pp. 29–38.
- Jones J. (2022) *The 9 Unique Regions of the World*. <https://objectivelist.com/2022/12/30/regions-of-the-world>
- Juhász R., Nathan Lane N., Rodrik D. (2023). *The New Economics of Industrial Policy*. NBER Working Paper 31538. August.
- Kaplan S. (2024). Don't let geopolitics undermine Latin America's hard-won free markets. 12 February. <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/dont-let-geopolitics-undermine-latin-americas-hard-won-free-markets>
- Kevin G. (2010). *Regionalism in the World Economy since the 1950s. The Politics of Economic Regionalism*. London: Palgrave Macmillan. Pp. 68–90. DOI: 0.1057/978023.
- Keating M., Loughlin J. (1997). *The Political Economy of Regionalism*. London: Routledge.
- Kraaijenbrink J. (2022). What Is Industry 5.0 And How It Will Radically Change Your Business Strategy? // *Forbes*. 24 May.
- Krugman P. (1991). *Geography and Trade*. Cambridge: MIT Press.
- Stief C. (2023). *Core and Periphery, Two Types That Make the World*. 5 April. thoughtco.com/core-and-periphery-1435410
- Kučerová I. (2008). A Response to Gradual Globalization: Regionalism. *Acta Oeconomica Pragensia*. No. 5. Pp. 66–73. DOI: 10.18267/jaop.163.

- Lambrechts K., Alden C.* (2005). Regionalism and Regionalisation. Palgrave Advances in Development Studies. London: Palgrave Macmillan. Pp. 288–312. DOI: 10.1057/9780230502864_14.
- Libman A.* (2024). Dynamics of Isolation in Conditions of Fragmentation: The Results of Two Years of the Sanctions Experiment. 4 June. <https://re-russia.net/en/expertise/0160/>
- Liu H., Song H., Vickery J.* (2021). Defragmenting Markets: Evidence from Agency MBS. Working paper 21–25. June.
- Lorenz D.* (1989). Trends towards regionalism in the world economy // *Inter economics*. Vol. 24. Issue 2. Pp. 64–70. DOI: 10.1007/BF02928553.
- Mansfield E.D., Milner H.V.* (1999). The New Wave of Regionalism // *International Organization*. Vol. 53. Issue 3. Pp. 589–627. DOI: 10.1162/002081899551002.
- March C., Schieferdecker I.* (2021). Technology Sovereignty as Ability, Not Autarky. CESifo Working Papers. No. 9139. <https://www.cesifo.org/en/publikationen/2021/working-paper/technological-sovereignty-ability-not-autarky>
- McKinsey Global Institute (2022). Global flows: The ties that bind in an interconnected world. November.
- McLaughlin E., Peterson D.* (2023). A Reshoring Renaissance Is Underway. 2 November. <https://sloanreview.mit.edu/article/a-reshoring-renaissance-is-underway>
- Miaojie Yu* (2023). Re-globalization or fragmentation: choices and challenges. https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtr23_e/wtr23_ch_miaojie_yu_e.pdf
- Militaru C., Athu C., Zanfiri A.* (2012). Globalization Versus Regionalization. *Knowledge Horizons – Economics*. Vol. 4. Issue 1–2. Pp. 70–75.
- Miroudot S., Nordström H.* (2020). Made in the World? Global Value Chains in the Midst of Rising Protectionism. *Review of Industrial Organization*. Vol. 57. Pp. 195–222. <https://doi.org/10.1007/s11151-020-09781-z>
- Neumann P.* (2008). Fragmentation versus Unity of the World Economy. *Acta Oeconomica Pragensia*. Vol. 16. Issue 2. Pp. 70–89. DOI: 10.18267/J.AOP.58/
- Noack P.* (2024). The Fifth Industrial Revolution: where mind meets machine. 30 March. <https://www.thenationalnews.com/opinion/comment/the-fifth-industrial-revolution-where-mind-meets-machine-1.1061280>
- O’Neil S. K.* (2022). *The Globalization Myth: Why Regions Matter*. New Haven: Yale University Press.
- Qureshi M., Tsuruga T.* (2023). Geopolitics and Financial Fragmentation: Implications for Macro-financial Stability. IMF Global Financial Stability Report. 25 April.

- Reinhardt C.M., Trebesch C. (2020). How Much Money Does the World Owe China? <https://hbr.org/2020/02/how-much-money-does-the-world-owe-china>
- Reshoring Initiative (2023). Annual Report. 35 p.. https://reshorennow.org/content/pdf/Reshoring_Initiative_2023_Annual_Report.pdf
- Seong J. et al. (2024). Geopolitics and the geometry of global trade. 17 January.
- Shih W.C. (2023). The New Era of Industrial Policy Is Here. <https://hbr.org/2023/09/the-new-era-of-industrial-policy-is-here>
- Söderbaum F. (2015). Early, Old, New and Comparative Regionalism. KFG Working Paper. No. 64.
- Solis M., Stallings B., Katada S. (2009). Competitive Regionalism: FTA Diffusion in the Pacific Rim. New York: Palgrave Macmillan.
- Storm S. (2017). The Political Economy of Industrialization. Development and Change. Vol. 48. No. 6. DOI: 10.1111/dech.12281.
- Syropoulos C. et al. (2022). The Global Sanctions Data Base – Release 3: COVID-19, Russia, and Multilateral Sanctions. CESifo Working Papers 10101. November.
- Sung Hee Lee, Kun Soo Park, Yong Won Seo (2017). Multinational Firm's Production Decisions under Overlapping Free Trade Agreements: Rule of Origin Requirements and Environmental Regulation. Sustainability. Vol. 9. No. 42. Pp. 1–16. DOI:10.3390/su9010042.
- Tan J. (2024). How Widespread is FDI Fragmentation? How Widespread is FDI Fragmentation? IMF WP/24/179. August.
- Telo M. (2001). *Introduction: Globalization, New Regionalism and the Role of the European Union*. European Union and New Regionalism. London. Pp. 1–18. DOI: 10.4324/9781315202419/
- Telò M. (2017). Regionalism in Hard Times – Competitive and post-liberal trends in Europe, Asia, Africa, and the Americas. Abingdon: Routledge.
- The Economist (2023). “Homeland economics” will make the world poorer. 2 October. <https://www.economist.com/special-report/2023/10/02/homeland-economics-will-make-the-world-poorer>
- The Economist (2024). Worlds apart. Special Report. 5 May. <https://www.economist.com/special-report/2024/05/03/the-global-financial-system-is-in-danger-of-fragmenting>.
- The Economist (2023). New industrial policies will make the world more unequal. Special Report. October.
- UNCTAD (2024). Global economic fracturing and shifting investment patterns. A diagnostic of 10 FDI trends and their development implications 23 April.

- Varadarajan R. et al.* (2023). The Unwinding of Global Tech Supply Chains. 23 March. <https://www.bcg.com/publications/2023/the-unwinding-of-global-tech-supply-chains>
- Väyrynen R.* (2003). Regionalism: Old and New, *International Studies Review*. Vol. 5. No. 1. Pp. 25–52. DOI:10.1111/1521-9488.501002.
- Wang Z., Sun Z.* (2021). From Globalization to Regionalization: The United States, China, and the Post-Covid-19 World Economic Order. *Journal of Chinese Political Science*. 2021. Pp. 69–87. DOI: 10.1007/s11366-020-09706.
- WEF, McKinsey (2024). The Global Cooperation Barometer 2024.
- White O. et al.* (2023). The complication of concentration in global trade. January. Pp. 1–18.
- Wolff A.* (2024). Reluctant Interdependence: Multilateralism in a Time of Fragmentation. January. <https://ecipe.org/blog/reliant-interdependence-multilateralism-in-fragmentation>
- Xianbai Ji* (2021). *Mega-regionalism and Great Power Geo-Economic Competition*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781003177067.
- Xiaoming Z.* (2024). Blame U.S. for Economic Fragmentation. 28 June. <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/blame-us-for-economic-fragmentation>
- Yang F., Gu S.* (2021). Industry 4.0, a revolution that requires technology and national strategies. *Complex & Intelligent Systems*. Vol. 7. Pp. 1311–1325. DOI: 10.1007/s40747-020-00267-9.
- Zhang K.H.* (2023) U.S.–China Economic Links and Technological Decoupling. *The Chinese Economy*. Vol. 56. No. 5. Pp. 2–13. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399.

ОБ АВТОРЕ

Борис Аронович Хейфец, профессор, д. э. н., главный научный сотрудник Института экономики РАН. Автор и соавтор более 400 работ, в том числе 15 индивидуальных монографий (4 – в соавторстве) и 16 брошюр, опубликованных в России и ряде зарубежных стран.

Наиболее значимые научные публикации: «Решение долговых проблем. Мировой опыт и российская действительность» (2002); «Кредитная история России. Характеристика суверенного заемщика» (2003); «Как вернуть кредиты. Урегулирование задолженности иностранных государств перед Россией» (2005); «Экспансия российского капитала в страны СНГ» (2006); «Долговая политика России: актуальные проблемы» (2007); «Russian Investment Abroad. The basic Flow and Features» (2008); «Корпоративная интеграция. Альтернатива для постсоветского пространства» (2008); «Офшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике» (2008); «Модели региональной интеграции» (2011); «Российский бизнес в странах ЕвразЭС. Модернизационный аспект» (2011); «Глобальный долговой кризис и риски долговой политики России» (2012); «Пути активизации экономического взаимодействия России и стран БРИКС» (2013); «Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы» (2013); «Россия и БРИКС. Новые возможности для взаимных инвестиций» (2014); «Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России» (2016); «Метаморфоза экономической глобализации» (2018); «Новые экономические мегартнерства и Россия» (2019); «Как модернизировать Евразийский экономический союз» (2019); «Каким маршрутом пойдет Россия по одному непростому китайскому пути» (2020); «Китайский путь глобализации и Россия» (2021); «Новый этап деофшоризации глобальной экономики и российские реалии» (2022); «Видение глобальной экономики первой четверти XXI века» (2023).

Редакционно-издательский отдел:
Тел.: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Б.А. Хейфец

СТАНЕТ ЛИ СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ
ФРАГМЕНТАЦИЯ ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ТЕНДЕНЦИЕЙ
НОВОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА?

Оригинал-макет – Валериус В.Е.
Редактор – Полякова А.В.
Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 31.10.2024 г.
Заказ № 19. Тираж 300. Объем 5,5 уч. изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0720-4

9 785994 007204